

Абди-Жамил НУРПЕИС
И БЫЛ ДЕНЬ...
И БЫЛА НОЧЬ...

Роман в двух книгах

Перевод Анатолия КИМА

*Продолжение. Начало в № 10–12,
2024, № 1, 2025.*

Книга первая
И БЫЛ ДЕНЬ...

* * *

Затянувшееся собрание уже подходило к концу. Народ устал. Многим из тех, у кого кончилось терпение, хотелось бы потихоньку улизнуть, но они побаивались, что заметит Азим Сулейменович, и оставались на своих местах. И когда они стали, нетерпеливо поёрзывая, всё чаще поглядывать на часы, кто-то...

* * *

– Да, и вот тут... – кто-то толкнул его в бок. Мукан открыл глаза. Покосился на соседа.

– Даёт слово, – сказал тот.

– Что-о?

– Слово. Тебе.

Мукан только теперь почувствовал, как смертельно устал. В висках бешено застучало. Весь день, сколько бы он ни тянул руку, прося слова, Азим упорно не смотрел в его сторону. Тогда, потеряв всякую надежду, без того уставший Мукан сник, закрыл глаза, обречённо ожидая только одного – конца этому словоблудию.

– Картопия, – буркнул Мукан, поднялся с места и, словно подталкиваемый в спину, волоча ноги поплёлся к трибуне.

– Нашли кому давать слово! – кто-то довольно громко сказал ему вслед.

Почти все, кто выходил к трибуне, как бы ни вытягивали шеи, над ней еле виднелись, а когда вышел Мукан, трибуна оказалась ему по пояс, что вызвало в зале смешок. К тому же он, будто боясь стукнуться головой о потолок, наклонился вперёд и стал шарить глазами по залу. И не сразу нашёл того, кого искал. Словно адресуя своё слово шустрому кандидату, произнёс:

– Я приехал с Арала...

Не понял сам, почему начал с этого. «Проклятье! – выругался Мукан про себя. – Всё из-за того, что привычки нет...» Ведь речь задумывал там, находясь в Аральске. Во рту вмиг пересохло. Потянувшись, трясущейся рукой схватил стакан с остатками воды, которую кто-то не допил. Потом, нависая над трибуной, всем корпусом резко подавшись вперёд, словно паря над битком набитым залом, вновь встретился взглядом с этим... с шустрым кандидатом:

– Конечно, вам сейчас не понравится то, что я скажу... Я э-это... з-з-знаю, – произнёс он, сильно заикаясь. – Но ничего не поделаешь, видно, вам придётся вы-выслушать мее...

Мукан внезапно схватился за грудь. Внутри всё горело, жгло. В подобных случаях он обычно совал руку под сорочку и мял, массировал грудь. И на этот раз его дрожащая рука потянулась к груди, но он опомнился, заметив, что множество глаз пристально следит за ним, и поспешно отвёл руку в сторону.

– Вот вы... и учёные и не учёные... Утверждаете, что че-человек самый у-у-умный... Ну, словом, властелин над природой и... и над всеми живыми тварями...

– Ты что, сомневаешься в этом? – спросил лысый.

– Он, кроме самого себя, во всём сомневается! Пусть лучше замолчит! – выкрикнул шустрый, с глазками-пуговками.

– Нет, пусть говорит! – раздался другой, молодой и задорный, голос. – Давай, браток! Ваше слово, товарищ маузер.

Подавший голос из дальнего угла не то желал побалагурить, не то хотел показать, что есть тут и любители поэзии, знающие даже Маяковского.

Ты, отерев тыльной стороной ладони со лба пот, стекавший с головы меж жиденьких волос, поймал взглядом своих горящих глаз сначала лысого, затем шустрого, с глазами-пуговками.

– С вами-то всё ясно, – сказал Мукан. – А вот как понять тех, кто мнит себя властителями умов?... Кто из этих, из них... скажет, откуда... какая бе-беда угрожает жизни на земле? Не называется ли эта беда – НТР?

И тут Мукан смолк. Стоял, низко склонив голову, напряжённо, тяжело, урывками дышал, борясь с приступом удушья и раздражающего грудь кашля.

– Знают ли об этом правители мира? Полагаю... ещё как знают. И молчат... А я человек маленький... Смейтесь, смейтесь!.. Но я скажу... Всякая вновь рождённая чудо-техника... над которой мы трепещем как над новорождённым ребёнком... не успев стать предметом законной гордости и торжества человеческого разума... как ни-ни ж-жалъ... – Мукан снова на мгновение смолк... и вдруг с силой грохнул своим огромным кулаком по крышке трибуны и выкрикнул из последних сил: – Как ни жалъ, но все... все чудо-изобретения, оказавшись в руках... всех... всех этих...

– Кого ты имеешь в виду?

– Того, о ком ты уже догадался. Любые чудо-изобретения мигом превращаются в чудо-убийц массового поражения! Скажите... Скажите мне, когда мы опомнимся и перестанем создавать чудо-убийц, всё более и более совершенных?

Мукан схватился обеими руками за грудь, весь содрогаясь, зашёлся сильнейшим кашлем. Его несуразно длинное тело гнулось и качалось. Чтобы не упасть, упёрся локтями в трибуну, навалился на неё всем телом. И еле удержался на подкашивавшихся ногах. Глаза и лицо заливал обильный пот, струившийся со лба. Кашель продолжал сотрясать его. Светлолицый молодой учёный, сидевший в первом ряду, прямо напротив трибуны, вскочил с места и, мгновенно оказавшись рядом с Муканом, подхватил его под локоть. Но тот, не глядя, отбросил руку помощи, с трудом выпрямился и покинул трибуну. Не обращая внимания ни на кого, пошатываясь, сошёл со сцены и направился к выходу. Вышел в дверь, даже не взглянув на расступившихся людей.

* * *

Когда Мукан выбрался на улицу, ноябрьская бесснежная стужа заметно окрепла. Колючий морозец прохватил мгновенно, и он изо всех сил стискивал зубы, которые выстукивали частую дробь. Всё тело, руки и ноги сотрясала мелкая дрожь озноба. Уже подходя к своему дому, заметил, что тоненький плащ на нём застегнут всего на одну пуговицу, и студёный ветер успел пробраться

до костей. Только тут, спохватившись, судорожным движением запахнул плащик на груди. Но дрожь не унималась, зубы зловеще лязгали. Он, давно научившийся и на себя, и на всё вокруг смотреть как бы со стороны, увидел, что жизнь его – так вот, сутулясь, спотыкаясь, как и он сам, приближается к своему концу. И в этой жизни, узревший однажды свет Божий, он ничего путного, кажется, так и не сделал. Как явился сюда в недобрый час, напрасно-случайно, так же напрасно и уйдёт. В этом он давно убеждён. Но если раньше, бывало, порой скорбел о своей судьбе, то со временем смирился. Теперь, под конец, ему хотелось только одного: как бы исхитриться, найти такую возможность и встать перед всем миром, высказать то, что тяжким грузом лежит на душе уже столько времени, раскрыть душу до самого доньшка. Считал это своим сыновним последним долгом.

О, Боже! Боже Праведный, и этому последнему мечтанию, кажется, не суждено осуществиться...

Дом Мукана находился в Татарке. Как и всегда, добираясь от центра пешком, он пересёк весь парк Горького, выйдя из которого, был уже в двух шагах от дома. Сегодня он также шёл своим привычным путём, однако казалось, что дорога, недобро противясь ему, удлинилась, и ноги с трудом преодолевали её, он часто останавливался и отдыхал, прислонясь к какому-нибудь дереву.

И вот, оглянувшись окрест, увидел всю эту жизнь такую, какая она есть. Мукан ясно почувствовал, что настал последний его день. Похоже, его не пережить. Обречённо ощутив эту неотвратимость всем своим существом, он решил во что бы то ни стало встать перед миром и высказать то, что ему хотелось: «Да, я больной... Да, я с рождения калека... потому что был рождён у огня дьявола... Но разве я один такой... разве вы все... ныне живущие... не родились у последнего костра, который разжёт сам дьявол? А жизнь без ра-а-зума... кха... кх-а... не приведёт к до-бру-у... кха... кх-а... Лю-люди вечно тер-п-ят поражение в борьбе со злом. Почему? Во-т... в минувшей войне разгромили гл-главного носителя з-зла, но... но не сумели добить его дух. Пропро-клятый этот дух теперь витает по ми-ру... повсюду.

Порой мне становится с-стра-шно... особенно, ког-да по вес-не тянется ру-рука-а... землепашца не-е к сохе, а к ору-жью... кха... кха...»

Мукан не договорил. Опять тягуче закашлял. «Вы все тоже больны... И вся природа больна, обезображена... Находясь рядом с искалеченной, поруганной природой, человек и сам становится калекой...»

Наконец увидел свой дом. Возле него ни души. Только сейчас заметил, как сильно вырос тополёк, когда-то посаженный его руками. Голые, подмёрзлые ветки его, с которых уже осыпалась вся листва, звонко постукивали. Он стоял, обхватив руками тополиный ствол, и лихорадочно дрожал. Ему казалось, что стоит только оторваться от дерева, как он рухнет на землю и больше не встанет. В висках застучало настолько сильно, жестоко, что перестал понимать, то ли он закрыл глаза от боли, то ли глаза сами закрылись оттого, что мир покачнулся и закружился. Чтобы не упасть, крепче прижался к холодному стволу тополя...

Открыл глаза – и понял, что лежит дома в постели. Увидел сидящую рядом жену. Чуть поодаль, над изножьем кровати, стояли спиной к нему несколько фигур в белых халатах и о чём-то тихо переговаривались. Один из них, пожилой, в роговых очках, наклонился к девушке рядом, что-то сказал ей, и она в ответ молча кивнула. Затем подошла к нему. Вынула у него из-под мышки градусник, близоруко шурясь, всмотрелась. Невесело покачала головой и, ни слова не сказав, лишь бросив на него мимолётный взгляд, полный глубокой жалости, снова отошла к людям в белых халатах. Те, поочередно

глядя на градусник и передавая его друг другу, столь же невесело покачали головами, затем все вышли из комнаты. Через некоторое время девушка в белом халате вернулась одна, подошла к нему, приподняла краешек одеяла – в ягодице у него вдруг кольнуло, как при укусе комара. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы перед ним, всего минуту назад изнемогавшим от нестерпимого жара, открылись врата блаженства... И – о чудо! – раздетые во всё белое и воздушное, одна краше другой, чудесные райские девы повели его за руки... не-т, нет! – не за руки, а на своих руках понесли его, ставшего невесомым, напрямиком к райским чертогам.

* * *

Но вот Мукан снова открыл глаза, и все старые мучения жизни вернулись к нему, да что там прежние – добавилось столько новых, и тело лихорадило, жгло с такой силой, что он едва мог переносить это. Ещё как следует не придя в сознание, вместо того, чтобы застонать, начал бормотать вслух, словно в бреду: «Надо... надо было говорить не то... а то, что задумывал... ещё на Арале. Вы... вы посягнули на то, на что не имели никакого права... Только на словах признаёте, что природа – мать... Она действительно наша... великая праматерь. И не она должна поклониться нам... Маленьким тварям, ею порождённым... Как потребовал один надутый спесью поэт: “Земля, поклонись человеку!” Ха-ха-а! Поклониться ничтожно маленькому, почти невидимому на поверхности Земли микробу. И мы аплодировали... Теперь она, давшая нам жизнь... Взрастившая нас... истощена... Изнурена. Искромсана, поругана нами же... Кха-кха-кха...»

Сухой, раздражающий грудь, отрывистый, как лай, кашель чуть не придушил Мукана, лишая дыхания. Он захрипел и потерял сознание. И уже не видел, как к нему, беспамятному, осторожно открыв дверь, вошла жена. Не видел и того, что, прежде чем войти, она постояла на пороге, прислушиваясь: ей показалось, что больной муж разговаривает с кем-то... Но, когда вошла к нему в комнату, Мукан тихо лежал, не то уснув, не то в беспамятстве. Грудь его, накрытая одеялом, вздымалась и опадала в тяжком дыхании.

Разия присела на стул у изголовья кровати. Губы Мукана зашевелились. Словно пытаясь ухватить что-то, он поднял над собой руку и поводит, пошарил по воздуху. И снова заговорил в полубреду: «Изверги. Топали ногами. Из задних рядов выкрикивали: “Хватит болтать!”, “Уходи!” Ну и пусть... Кха-кха-кха...»

Мукан вновь вскинул руку, потом, черпая пустоту, поднёс её ко рту, будто хотел положить эту пустоту в рот. И вдруг заметался в тоскливой муке и снова начал бредить: «О, Алла... Аллах! Теперь поздно. Ша-нс... Упустил...»

Мукан с судорожным отчаянием отбросил руку на подушку и уткнулся в неё лицом. Тяжело дыша, долго пролежал без движения.

Разия принялась растирать ему ноги, руки. Сразу, по приезде его, и не заметила, как он сильно исхудал в свою последнюю командировку. Особенно страшно иссохли и вытянулись и без того непомерно длинные пальцы рук с посиневшими ногтями. Разия невольно отвела глаза, затем, молча смаргивая слёзы, принялась растирать мужу спину.

Подействовало ли это или что другое, но Мукан вдруг успокоился.

– Ра-зи... – тихо позвал.

Жена, растерявшись от неожиданности, быстро вытерла глаза.

– Подни-ми... По-дни... ме-е-н...

Разия бережно приподняла его голову и подложила под его костистые лопатки одна на другую две подушки. Затем пересела со стула на краешек кровати и, забрав его руку в свои, стала её гладить.

– Ну, зачем ты пошёл на это проклятое собрание? – сказала. – Ведь ты вроде неплохо себя чувствовал... И вот заболел.

– Нет, я правильно... – Голос его был тих, слаб. Он некоторое время пролежал молча, закрыв глаза. Потом снова заговорил, обращаясь не то к себе самому, не то к жене, не то к кому-то невидимому: – Это... мой... мой... последний долг. Мы все... все... сто-им пе-ред... по-следним...

Жена хотела спросить, перед каким это «последним долгом», но не успела. У входной двери послышались шаги, и в дом вошли какие-то люди. Разия вышла к ним навстречу и вскоре вернулась.

– Врачи пришли.

– И-ди... по-благо-дари... и... и от-пус...

– У тебя ещё не спал жар, – сказала Разия, – температура держится. Тебе укол...

И она смолкла, не стала говорить о том, что у него двустороннее воспаление лёгких, что температура не опускается ниже сорока.

– Не-ет... Не ну-жен их рай. Я... я для ада... для адских мук... му-че-ний...

И он глухо, всем лицом, зарылся в подушку и снова стал содрогаться от страшного изнуряющего кашля. Когда кашель чуть унялся, Мукан обессилел, обессилел настолько, что не мог даже приподнять с подушки мокрую от пота голову. Жена вышла, а потом, проводив врачей, вернулась назад.

– У-у-ш...ли?

– Я извинилась... Уговорила.

– Не-е оби-д-е-е...

– Кто знает. Будто не обиделись, только головами покачали и ушли.

– Де-т-и... до-м-а?

– Да, дома. Вывести их на улицу?

Мукан с болью в глазах кивнул. Жена отвела глаза в сторону. За многие годы совместной жизни так и не смогла привыкнуть к этому его взгляду. Многое осталось между ними недосказанным. Даже оставаясь вдвоём, наедине, они мало разговаривали. Будучи болен всю свою жизнь, Мукан боялся заразить детей. Держал свою постель, одежду, посуду отдельно от домашних. В квартире занимал самую маленькую комнату у входа, и, когда случались обострения, как сейчас, он и вовсе не пускал к себе детей. Обычно после завтрака напоминал жене: «Пусть дети поиграют во дворе».

Старшему пять лет, младшему четыре года. Словно привязанные за ногу короткой ниткой к кустику крохотные птенцы, малыши тихо, понурившись, битый час прохаживались по маленькому пятачку – прямо под окном комнаты, в которой находилась постель отца. И кто знает, быть может, их два крохотных сердечка чували, что именно сейчас, именно в эту минуту, за этим окном их бедный отец, из последних сил борясь со смертью, как и во все другие дни, мучаясь и страдая, сидит на узкой кровати, накинув на голову одеяло, и, вконец измученный, проклиная судьбу за то, что ему не суждено ещё хотя бы раз, один только раз, на один только миг прижать к груди своих родимых, кровинушек своих, смотрит на крохотных смуглых мальчишек полными любви и тоски глазами, тяжело набухшими от неискупленных слез. Сегодня они гуляли под окнами недолго.

– Идите домой, – выйдя к ним, сказала мать. – Сидите у себя в комнате. Не шумите. Отцу нужен покой.

И снова зашла в комнату, где муж её лежал, уткнувшись в подушку головой, в полном изнеможении, как будто лишившись всех сил после тяжкого труда. И было непонятно жене, чувствует или не чувствует он сейчас, что возле него, не дыша, оглушённая и покорная ударам судьбы сидит она и в скорбном молчании

смотрит на него... Разия с надеждой подумала: может быть, полегчало, и он уснул? Вдруг у него дрогнули и заходили ходуном плечи, словно беззвучно прорвались долго сдерживаемые рыдания.

– Му-кам!¹ Мукам, прошу, не переживай, не переживай, пожалуйста, о детях! – вскричала она, не выдержав. – Не мучайся! С ними всё будет хорошо. Они любят тебя. Хочешь, приведу их?

– Пе-ре-вер-ни ме-е...

– Хочешь воды?

– Не-т... Пе-ре-вер-р...

Разия теперь поняла, приподняла мужу голову, взбила, поправила подушку. Затем придвинула стул поближе и, наклонившись, просунув руку под одеяло, стала гладить ладонью его грудь. Мукану всегда становилось легче, когда не он сам, а она, эта кроткая женщина, понимающая его без слов, близкая и в радости, и в горе, гладила его истерзанную болезнью грудь. Там, где прикасалась её ладонь, боль утихала.

– Ра-зия... – голос был едва слышен.

Он помолчал, словно раздумывая, стоит ли говорить дальше. И всё же, решившись, положил свою ладонь на руку жены и заговорил:

– Мне... в боль-ни-цу бы...

– Не отпущу! Зачем? Зачем тебе в больницу?

– Чт-об... чтобы дети не видели мою смерть.

– Не думай об этом!

Мукам промолчал. Неизвестно было, согласен он с решением жены или нет. Однако, чуть сжав, ещё долго держал в своей руке её руку.

– Ми-лая... зна-ешь...

Разия вздрогнула. В недоумении, даже со страхом смотрела она на мужа. Ей и в голову не могла прийти мысль, что её муж в такую минуту, в тот самый миг, когда находился между жизнью и смертью, когда поминутно то терял сознание, то приходил в себя, словно поочерёдно пробуя бытие и небытие, – впервые за их совместную жизнь он произносил это слово... Долго не могла ничего сказать в ответ.

А он говорил, набравшись последних сил жизни:

– Пус-ть... я... я слу-чай-ный чело-ве-к в нау-ке. Ну, пусть... Пусть... Но это не ли-шает меня пра-ва гово-рить людям правду. Свою правду, которую, зна-ешь, но-сил всю жиз-нь в ду-ше, как жен-щина но-сит в себе ре-бен-ка... Прав я или не пр-ав...

– Прав ты. Прав.

– Правы ли... люди на зем-ле... или не пра-вы... но... все мы... и ты, и я, чу-ем... как над-ви-гаются... смер-тель-ная опасность... Гу-бит нас алчность. Она как чёр-ная... дыра... кха- кха... кха-кха-а...

– Му-кам, дорогой. Любимый...

Она удивилась нечаянно вырвавшимся своим словам, каких она ещё никогда не произносила вслух в жизни. Но не смутилась, напротив, порывистым движением прижала голову мужа к своей груди.

– Помнишь, предки говорили: «Бойся тех, кто Бога не боится».

– Помню, конечно.

– Ещё в школу пошли... несмышлёныши... Нас записали в кружок безбожников... Получается, ты как будто и человек, но... без Бога... кха-кха... в душе.

¹ Мукам – когда имя при произношении оканчивают на «м», это свидетельствует о более трогательном обращении, как «мой дорогой» или «мой милый».

– Успокойся, родной. Не думай об этом. Время такое было. Но как бы тебя ни воспитывали, ты всегда жил с Богом в сердце.

Мукан опять тягуче закашлял. Жена не успевала осушать пот на его лице. Словно потеряв сознание, он долго пролежал в её объятиях, потом выплыл из тьмы забытья, тяжело, глубоко вздохнул. Однако в полное сознание не пришёл, хотя то и дело срывался в раздражающий кашель. Плечи сотрясались судорожными толчками.

Вдруг встрепенулся, открыл глаза. И внятным голосом проговорил:

– Ра-зия... Мне... кажется... мать-земля... откажется от нас... не захочет носить на себе человека, ко-то-рый превратился... в раба своей алчности... Где гос-под-ствует алчность, там... та-м отсутствует разум. А жить без разума-а... кха... к-х-а-а... не приведёт к... добру... кха... к-х-а-а... вот почему мы, люди... постоянно терпим поражение в борьбе со злом... Да-даже в минувшей войне вро... вроде бы победив гл... глав-ного носителя зла, не сумели, а как жаль, добить е-е-его дух. И-и этот проклятый дух ви-витает повсюду... А зна-ешь, до-дорогая, мне по-порой становится с-стра-а-шно, к-когда по-о весне тянется р-ру-ка землепашца не к-к... со-хе, а к оружию... кха... к-х-а-а...

Он хотел, казалось, промолвить ещё что-то, но не хватило дыхания. Тихо постанывая, смолк. Стал задыхаться. И в сознание больше не пришёл. Но, находясь уже по ту сторону сознания, он что-то чуть слышно пробормотал. Суть и смысл того, что хотел сказать, наверняка уже достигли Небес, а мы, земляне, можем только толковать обо всём этом каждый по своему разумению. Мне, доподлинно знавшему этого человека, живому свидетелю горчайших его мук и душевных терзаний – не столько за себя, но, прежде всего за нас, за нас всех, – представляется мне, что этот великий мученик и бедолага мог сказать: «Да, нас губит алчность. Она, как чёрная дыра в том космосе, всасывает все, что находится на земле, что под землёй. – Мог бы сказать ещё: – Да, и в наших душах тоже. Особенно страшно то, что во все преступные дела втягивают ни в чём не повинных, как малые дети, доверчивых простых людей. И знаешь, милая Разия, – мог он сказать, – в наш век или в какие-то последующие века народы всего мира, вовлечённые в дикий азарт алчности, разрушат... Нет-т, нет, разрушают, уже разрушили гармонию жизни. Неспроста ведь, моя милая, – сказал бы он, – уже сейчас самые прозорливые, самые честные умы озабочены судьбой жизни на земле. И неспроста стали, видимо, задавать людям и самим себе роковой вопрос: “Сколько осталось до судного дня?”

А я... я про свой Арал... Что там гибель какого-то Арала – моря, затерявшегося где-то там, между Кара-Кумами и Кызыл-Кумами. Великие умы неспроста нынче стали заговаривать, что жизнь на земле может постигнуть гибель. Да, о том же, какой уже век, пророчествуют священные книги: гибель или от воды, или от огня. Если от воды, как при всемирном потопе, то каждому человеку уже сейчас надо строить персональный ковчег, как Ною... А если мир сгорит в огне? Земля раскалится, как адова сковорода. Тогда, поджариваясь на ней... вряд ли будут люди возносить, как прежде, хвалы гениальным учёным. Люди в огне, заживо поджариваясь... задыхаясь... в последнее мгновение своей жизни... не направят ли своё проклятие... всем, всем гениальным учёным... всех времён и эпох, открытиями которых так гордились когда-то... Выходит, что именно они... из-за их... из-за них... Гениальные изобретения... приведут к неминуемой катастрофе... К разрушению ми... ми-мира...»

Не договорив, вздрогнул всем телом – и рухнул головой на подушку.

* * *

Высокий тёмноликий человек, который весь день простоял на открытом всем ветрам голом льду, ближе к вечеру озяб, продрог, да и голод стал давать о себе знать. Желая перебороть тяжесть на душе, которая сегодня с утра навалилась на него, промурлыкал про себя что-то невнятное. Потом сам не заметил, как возникли в памяти чьи-то строки. Эти строки, особенно после смерти Мукана, надо, не надо, всё навязчивее стали приходить ему в голову:

– Хоть надежд полна жизни даль,
Хоть и в песнях есть свет благой,
Все же страждущие души –
О, как жаль! –
Плача, мир оставляют земной!

Апырай, кто был этот человек? Что за столь скорбной души поэт? Ведал, ведал ли он, что после того, как оставит эту призрачную обитель и он, и после него придёт в этот мир такой же скорбной души великий мученик и бедолага Мукан со своей горькой судьбой и также унесёт с собою в мир иной неисполненные мечты, несбывшиеся свои надежды?

Охваченный печальными думами, ты не замечал рядом мелкой птахи. Видно, одинокой пичужке стало совсем неудобно в этом обложенном тучами, мертвенно-белом от снега, нахмуренном, сумрачном мире. И кто знает... быть может, и в птичьем мире, среди её собратьев, – объявился какой-нибудь остроклювый обидчик. Понимаю, и у вас, пичужек, своя жизнь. И своя судьба. Видать, и на твою долю досталось немало печалей и горьких обид. И вот согнали тебя из твоего укромного затишья в чащобе камышей, стеной стоящей во-он та-м, на берегу. Теперь небось ищешь участия и защиты и подлетела к человеку. Ну, малышка, коль скоро подлетела ко мне, оставайся теперь со мной. И ты одинока. И я одинок. Так и быть, и тосковать, и горевать будем вместе. Не вздумай, малышка, однако, упорхнуть, улететь. Не оставляй меня, в этот заклятый день как-никак, вместе легче.

Вся сникшая, взъерошенная и встревоженная, она раза два несмело покосилась на тебя своим круглым, как просяное зёрнышко, глазом и, тщетно пытаясь привлечь внимание, наконец прижалась грудкой к снегу и затихла.

Высокий тёмноликий мужчина обернулся, стремясь увидеть своего стреноженного коня, которого оставил сегодня утром на берегу. Но перед глазами в зимних сумерках высилась лишь гора Бел-Аран. И при виде этой горы, словно из воздуха, возникло перед ним некое давнее виденье, от чего проклятое сердце опять остро кольнуло.

* * *

Не вернуть тот день, когда ты с Азимом сидел на берегу моря. Приморский полуденный ветер с утра не ведал покоя, налетал резкими порывами и – совсем неожиданно стихал. Но море рокотало неизменно и ровно. Угрожающе шипя и пенясь, налетали одна за другой на берег волны и, достигая него, гасли, откатывались, растекаясь по мокрому песку. Иная отчаянная волна, набравшая силу и разбег ещё там, вдали, на просторе великого моря, шумно обрушивалась, растекалась по мокрому песку и из последних сил дотягивалась до ваших ног. Увлечённые разговором, вы не сразу заметили приближение незнакомой девушки. Но вдруг захрустел рядом прибрежный песок под чьи-то лёгкими сбивчивыми шагами. Вы одновременно обернулись. «О Аллах!» – почти неслышно прошептал Азим. И не понять было, чего больше в этом восклицании – удивления или восхищения. Не в силах больше вымолвить

ни слова – как и ты, впрочем, потерявший дар речи Азим не отрывал замороженного взгляда и всё стискивал твою руку.

Девушка то ли не видела, то ли, скорее, сделала вид, что не заметила вашего смятения, но, поравнявшись с вами, чуть усмехнулась. Стройная, легконогая, прошла мимо, не удостоив вас даже взглядом.

– О Аллах! Аллах на небесах!

– Эй, что с тобой?..

– Не русалка ли это? Ты не заметил, она не с неба спустилась?.. А может, из воды вышла?

– Не знаю...

– Да, откуда тебе знать... И вообще, братец, тебе лучше никогда не знать эту девушку.

– Ладно... Я что...

Должно быть, ваши откровенные взгляды смутили незнакомку. Проходя мимо вас, она, заторопившись, оступилась, и песчинка, подхваченная ветром из-под её босых ног, попала тебе в глаз.

– Так тебе и надо. Нечего глаза пялить.

Незнакомка между тем чуть поодаль повернулась к вам спиной и стала раздеваться. Вы бессовестно пялились на неё, не упуская ни одного её гибкого движения. Смуглое юное тело девушки, обласканное горячим солнцем и знойным ветром Арала, отсвечивало медным загаром, густые, слегка вьющиеся волосы, распущенные по плечам, взвивались при малейшем движении.

– Пошли... познакомимся.

– Что-о?!

– Познакомимся, говорю!

– Как?

– Очень просто. Подойдём и представимся.

– Нет-нет!.. Ты уж сам... Без меня.

– Сам, значит?..

А девушка так и не взглянула в вашу сторону. Казалось, ей и дела нет до двух ротозеев. Продолжая стоять спиной, выпрямила свой узкий, тугой стан, встряхнула черными как воронье крыло волосами и направилась к морю. В ту же минуту захрипел репродуктор на столбе напротив клуба и взметнулся над полуденным зноем молодой, звонкий, сладостно зовущий куда-то голос. Азим, перестав швырять камушки, вскочил. И от его решительности у тебя вдруг тревожно оборвалось сердце...

– Эй, т-ты... Ты что, вправду?..

– Ну, дружище... Давай, молись за меня.

Сейчас уже не вспомнишь, молился ли ты тогда за друга или нет. Зато навсегда осталось в твоей памяти, как юная купальщица, едва коснувшись пальцами ног прибрежной воды, на мгновение замерла, оглянулась на подхитившего незнакомого парня и, без тени робости окинув его взглядом, усмехнулась. Море, искони противоборствующее ветру и берегам, торжественно шумело. По небу торопливо плыли облака, и ветер то сбивал их в кучу, то вновь разрывал, гнал к югу.

Но ты, кажется, не замечал ничего: ни радостного разгульного моря, ни кочующих в небе облаков. Во все глаза пялился то на девушку, то на своего друга. Тебе казалось, что сейчас друг вот-вот оробеет, ступает и повернёт обратно. Но, не-т... Ты только глянь!.. Вот шельмец...

Ты вскочил. Всегда у тебя так: стоит заволноваться, как тут же вскакиваешь с места. Вскочил и заулыбался во всю ширь большого рта.

А девушка, – она, кажется, приняла его вызов и, не оглядываясь, удалялась своей летящей поступью и вошла в воду.

Азим почти дошёл до неё, но она, легко оттолкнувшись ногами ото дна, быстро поплыла. О, если бы вернуть тот благословенный день!.. Синело небо. Зыбился, дрожал прозрачный перламутровый воздух! И призывно мелькали на грядках волн и в брызгах пены, словно крылья чайки, машущие руки девушки.

Наконец, Азим поравнялся с ней. Ты засмеялся. Покачал головой. Глядел, щурясь, как поплыли они рядышком, то высоко взлетая, то почти исчезая за вскипающими горами волн. Что и говорить, девушка – чудо. Но ведь и парень-то не промах! Ещё тогда, при первом взгляде на неё, потом на дружка у тебя мелькнула мысль: «Да они созданы друг для друга...»

Они не могли не встретиться. И ты, оставшись один на берегу, радовался так, будто не Азим, а ты сам плыл рядом с девушкой. Губы сами собой расплывались в улыбке.

Ты не завидовал ему. Только очень уж захотелось тебе вдруг стать похожим на Азима. Быть бы тебе таким же красивым, как он! И таким же дерзким! И таким же, как он, заводилой! Да, эх, был бы ты заводилой! Вот тогда... следом за тобой высыпала бы ватага аульной ребятни на берег. И распласталась бы на раскалённом песке... Нет, не так... Скажем, дует с моря, как и сегодня, свежий, бодрящий ветерок. И водяные брызги, срываясь с гривы волны, летят в лицо... И день тоже, как сегодня, на редкость свежий. И ты так же задумчиво, как сейчас, сидишь на берегу, вытянув ноги. И в этот момент... Да, в этот момент... неизвестно откуда оказывается рядом с тобой прекрасная незнакомка... Проходит совсем-совсем рядом, но, вдруг смутившись неизвестно чему, сбивается с шага. И подхваченная ветром песчинка из-под её лёгких ног попадает тебе в глаз. Девушка, замедлив шаги, останавливается... Подходит... Склоняется. «Что, песчинка попала?» – спрашивает. Ты, конечно, беспечно смеёшься: «Ничего... пустяки...» – говоришь. А девушка не уходит. Озабоченная, нагибается, ближе, ещё ближе, так близко, что ты уже ощущаешь на своём лице её дыхание. И вспыхиваешь весь, до кончиков ушей. Но не-т... Нет! Ведь у Азима нет привычки краснеть в подобных случаях. Он вообще никогда не краснеет. И вот, когда ты уже ощущаешь её дыхание, в твоих глазах вспыхивают дерзкие искорки, точь-в-точь, как у Азима. Схватив девушку за руку, говоришь уверенно, нет-нет, даже слегка покровительственно: «Пошли лучше – искупаемся!..» Девушка, не ожидавшая такого натиска, конечно, смущена, но ты берёшь её за руку, смело увлекаешь за собой к морю.

И вот плывёте рядышком. Хохочете. Качаетесь на волнах. Плывёте долго-долго, не чувствуя усталости. И сами не замечаете, как оказываетесь на другом берегу залива. И до самого вечера загораете. А когда, опомнившись, уже в поздние сумерки возвращаетесь домой, в рыбацьем ауле переполох. Рыбаки без толку бегают, шумят, поторапливая друг друга скорее выйти в море на поиски пропавших...

Впереди галдели чайки. Первое мгновение тебе почудилось, будто там шумят встревоженные люди. И ты все шёл, шёл вдоль кромки моря, опьянённый грёзами, не ощущая, как шлёпали ласковые волны по твоим босым ногам. В глазах всё стояла далёкая, светящаяся, как звезда, девушка. Ты пошёл быстрее, навстречу своему видению. В лицо дул мягкий морской ветерок. И, не умолкая, где-то кричали чайки...

– Эй, Жадигер!

Ты остановился. Только теперь заметил Азима, с недоумением взирающего на тебя. Тебе стало вдруг неловко, даже стыдно. Быстро слетела с губ улыбка.

– Что с тобой? Ты, брат, как лунатик.

– Нет, я... Да так... Ничего, Азим.

Оглянувшись, ты увидел, что незнакомка и Азим успели уже обсохнуть и одеться. Помахивая шёлковой косынкой, девушка неторопливо уходила вдоль берега в сторону аула.

– Слушай... где ты пропадал?

– Да так... Ходил... А у тебя как?

– О, у меня, брат, завелось новое знакомство!

– Врёшь?!

– И врать-то нечего. Она, оказывается, дочь нового колхозного бухгалтера. Переехали сюда только в прошлом году. А нынче вот окончила школу. Мы договорились ехать вместе в Алма-Ату...

Ты удивлённо присвистнул и весь разулыбался.

– А ты-то чему радуешься, лунатик?

– Я?..

– Да, ты.

– Да так...

– А чего сияешь?

– Да ничего... Просто так.

– Слушай! Айда догоним её. Я тебя познакомлю. А знаешь, её зовут Бакизат...

– Как?

– Бакизат.

Ты несколько раз повторил про себя это имя. И каждый раз будто прикасался кончиком языка к раскалённому угольку. И вот теперь та девушка... Твоя голубая мечта... Да, поистине неисповедимы пути Господни!..

* * *

В тот год вы поехали в столицу вместе. К счастью, все трое поступили. Хотя учились в разных вузах, встречались довольно часто. Особенно Азим и Бакизат. Они виделись чуть ли не ежедневно. Неразлучно. Вместе ходили на молодёжные вечера. В кино. В театры. Порой и тебя брали с собой. И тогда вы гуляли втроём. В первый год учёбы у тебя появился счастливый повод чаще видаться с Бакизат: однажды вечером тебя вызвали в горком комсомола. И ты, прибежав туда, увидел в приёмной в кучке незнакомых студентов и Бакизат. Она обрадовалась тебе. Вскоре всех вас провели к молодому парню, немногим старше вас. Казалось, это его сильно смущало. Он время от времени, по-петушиному хорохорясь, откидывался назад, расправлял плечи, вообще лез из кожи вон, давая понять, что он человек вполне солидный и соответствует своей руководящей роли.

Заметив это, Бакизат едва не прыснула и низко нагнула голову. Прежде чем заговорить, комсомольский вожак отпил воды из стакана, затем, почувствовав, как давит на горло тугой узел галстука, чуть ослабил его и расстегнул верхнюю пуговицу сорочки. Только потом завёл речь. Оказывается, в некоторых вузах появились трудновоспитуемые студентки, которые неделями, а то и месяцами не посещают занятия. Горком комсомола располагает закрытой информацией на этот счёт.

– Вот вам поручение, – сказал комсомольский вожак. – Надо провести рейд, начать с ними политико-воспитательную работу, поставить их на правильный путь! Ведь это недостойно имени советской молодёжи. Это позор!

Тебе и Бакизат достались пять трудновоспитуемых девушек. Насмешник Азим в тот год не давал вам проходу, дразня Бакизат «тётя воспитательница», а тебя «дядя воспитатель».

Днём у вас были занятия. Лекции. Семинары. Зачёты. И лишь поздно вечером высвобождалось время для ваших пяти «трудновоспитуемых» девушек.

Бакизат в первый же день удивила тебя. Ты не знал, насколько старательна она в учёбе, но общественной работе отдавалась всей душой. А ты наоборот... Ещё в школе, как мог, уклонялся от всяких собраний, спортивных секций, драматических и прочих кружков. Тебе куда легче было вымыть пол в классе, наколоть дров или подмести двор.

Что и говорить! Те дни во всей твоей нелепой жизни были самой счастливой порой! Всегда нарядная, изящно одетая, Бакизат отличалась от других во всём, даже походка у неё особенная. Ты научился безошибочно угадывать энергичную дробь её каблукочков. Если в те времена даже центр города освещался кое-как, то что уж говорить об окраине? А эти ваши чёртовы девицы жили, как назло, на самой окраине. И там были одни приземистые мазанки, которые с наступлением темноты наглухо закрывались ставнями, двери запирались на крюки... В непроглядной темноте трудно было не то чтобы найти нужный адрес, но и просто продвигаться по улице, не падая, не спотыкаясь. Поскольку редкие прохожие ничем не могли вам помочь, вы наугад стучали в слабо освещённые окна домов.

– Какой номер вашего дома? – спрашивали вы.

– Смотрите сами, написано там! – отвечали вам через форточку.

– Ничего не видно.

– А кто вам нужен?

Первый раз вы довольно скоро набрали на нужный вам дом. Когда вошли, трудновоспитуемая стирала в тазике. Вынула из мыльной воды руки, обернулась к вам и выпрямилась. Из распахнутого ситцевого халата заметно выпирали округлившийся животик.

– Простите, – сказала Бакизат, глядя то на девушку, то на клочок бумажки в руке, – кажется, вы... вы в этом списке. В списке трудновоспит-уе-е...

– Понятно, можешь не продолжать, – хмуро улыбнулась девушка.

– Посмотрите, вот тут... вот здесь... Это ваша фамилия?..

Ты испугался, что деловитый тон Бакизат может обидеть девушку. Но нет, видно, ей не впервой приходилось испытывать подобное. Тыльной стороной мокрой руки откинула назад упавшие на глаза волосы и спокойно молвила:

– Называйте как хотите... трудновоспитуемая, от рук отбившаяся – всё равно. Я та нехорошая, которую вы ищете.

– Вы, пожалуйста, не обижайтесь. Не обиделись, да?

– Чего обижаться, если я действительно нехорошая.

– Ну, спасибо. Ведь правда же... вы... ну, вы уходите из дому. Скажите, где и в каких местах бываете?

– Известно, где бывает нехорошая девушка. Айналайын, тебе лучше и не знать этого.

– А как вы думаете, откуда милиция всё это знает?

– Перестала ночевать дома, загуляла, вот и заявила мать в милицию...

– Скажите, сейчас как? Дома ночуете?

– Конечно. Я уже замужем.

– Да-а! Вот как хорошо. Жадигер, ты слышал, она молодец. Выходит, исправилась? – простодушно допытывалась Бакизат.

– Исправилась, – девушка скорчила забавную гримасу на своём скуластом лице, похлопала себя по выпирающему животу. То ли это была правда, то ли ей надоели воспитатели: видать, она скорее хотела избавиться от вас...

Ты уходил в сомнениях. Но Бакизат в своём списочке трудновоспитуемых напротив фамилии девушки сделала пометку «исправилась».

О, вы и после этого не раз плутали по темным и кривым закоулкам, чтобы воспитывать в коммунистическом духе отбившихся от рук девиц. По правде говоря, ты ходил только ради Бакизат. Будь твоя воля, ты против фамилии каждой трудновоспитуемой поставил бы пометку «исправилась» и передал вожаку комсомольской молодёжи. Так нет же, неприкаянно бродил по каким-то закоулкам, то спотыкаясь об острые камни, то оступаясь в грязные канавы. Несколько раз больно шмякнулся на дорогу. Тогда Бакизат стала ходить впереди тебя. И в тот день, уже в темноте, она, как всегда тараторя без умолку, шла впереди. Подходили к какому-то дому, в окне которого горел огонёк. И тут прямо под ноги девушки, жутко взвизгнув, метнулась кошка. Бакизат вскрикнула, кинулась к тебе. Ты рванулся навстречу, она бросилась прямо в твои объятия. Вся дрожа, прижималась к тебе. Ты еле успокоил её. После этого случая Бакизат ни на шаг не отпускала тебя, ходила, намертво вцепившись в твой локоть.

– Девушки вроде и сами все исправляются. Прошу, давай оставим это дело, – с улыбкой предложил однажды ей. Она молчала. Тогда ты, осмелев, взял в первый раз Бакизат под руку и проводил до дверей общежития.

Сколько воды утекло с тех пор. Вы закончили учёбу. Поженились, тринадцать лет прожили вместе как муж и жена. И вот в середине жизненного пути оказались бесконечно чужими друг другу. И ты теперь один-одинёшенек стоишь на холодном льду, полный решимости вынести всё, что ещё ниспошлёт тебе судьба. Кровь ударила в голову. Ведь когда-то ты больше жизни любил эту женщину, которую теперь готов убить собственными руками. Но и сейчас – надо же! – стоит лишь тебе вспомнить ту тростиночку, юное тело которой дрожало в твоих объятиях, ища в тебе опору, мигом обрывается сердце. Что это? Как это понимать? Отсутствие характера? И она постоянно упрекала, ставя тебе в вину твой несносный «собачий характер». Нет гордости? А быть может, ни то, и ни другое, и ни третье?

* * *

Удивительное всё же было время! Азим, хоть и жил у дяди-строителя, большую часть времени проводил не дома, а в общежитии. Дом дяди находился на знаменитой тихой улице, где обитало одно начальство и которая прозвана была местными остряками «дворянским гнездом». Состоятельный, преуспевающий дядюшка одел Азима с ног до головы, после чего и без того красивый юноша стал просто неотразим. На него оглядывались уже не только девушки, но и просто прохожие.

Азим, захлёбываясь от восторга, рассказывал о своём дяде: о, мол, дядя знатный, нет, знаменитый в республике строитель и друг Большого Человека. Перед дядей сам министр строительства стоит навтыяжку. Ты даже знал от Азима, сколько у дядюшки орденов. Тебя одолело любопытство. Захотелось взглянуть на него хотя бы одним глазком. И вот однажды посчастливилось тебе – ты побывал у него, когда хозяин был дома. То ли он был таков со всеми, то ли принял тебя за случайного мальчишку, но даже головы не повернул в твою сторону, когда ты робко вошёл в комнату вслед за Азимом.

...И опять вспоминалась она. Бакизат! Бакизат! Змея, гадюка, ты заползала прямо в душу! В первый год учёбы очень хотела познакомить тебя с какой-нибудь хорошей девушкой. С этим намерением они с Азимом иногда брали и тебя с собой, и, бывало, улучив момент, она тайком указывала на какую-нибудь девушку и спрашивала: «Ну как, нравится?» Ты вспыхивал и не знал, куда деваться...

Вы не расставались даже во время летних каникул. Что и говорить, в то время море было в силе, не вмещаясь в свой привычный окоём, ревело, обрушивалось на скалистые берега. В сорока километрах от рыбацкого аула, у залива, названного почему-то Оренбургским берегом, стояла геологическая разведка. Во всём Арале это место было самым глубоким. Вода прозрачная. Дно чистое, песчаное.

После первого курса Азим, собрав молодёжь аула, организовал выезд на Оренбургский берег. Разбили две палатки. В одной расположились парни, в другой – девушки. Парнями руководил Азим. Девушками – Бакизат. Старая хрычовка держала своих дочерей в строгости. Она вначале не хотела отпускать Бакизат. Даже слышать не хотела об этом. Лишь Азиму удалось её уговорить. Отпустить-то отпустила, но перед этим, уединившись с дочерью, долго её наставляла: «Парни все злодеи и плуты, – говорила старая плутовка. – Умаслят ласковыми словами, влезут в душу. Запомни, моя наивная и простодушная овечка!» – говорила, усадив Бакизат, которая нетерпеливо ёрзала перед нею, всё порываясь уйти. Затем сунула ей под руки бумагу и ручку и приказала: «Пиши! Не оставайся одна наедине с парнем, это первое, – диктовала. – Не кури! Не пей вино! Особенно шампанское. Оно сразу ударяет в голову, это второе...» И, пронзительно глядя на дочь, надиктовала целых две страницы правил поведения, которым дочь должна следовать, как святым заповедям. И всё это для того, чтобы добродетельная молодая девушка не запятнала имени и чести родителей. Потом, сложив листочки вчетверо, обернула их чем-то блестящим, непромокаемым и, продев шнур, повесила на шею дочери.

Едва выбравшись за аул, Бакизат отвела в сторону тебя и Азима. Она явно веселилась, лукаво посмеивалась.

– Мальчики, тс-с. Никому ничего не говорите. Только мы втроём будем знать. Согласны?

– Ну, ладно. Что хотела сказать? – не терпелось Азиму.

– Знаете, что это? – спросила Бакизат, показывая шнурок на шее.

– Талисман, что ли? – сказал Азим.

– Не угадал, не угадал, – ликовала она и обратилась к тебе: – Ну, а ты?

Ты смущённо опустил глаза и пожал плечами.

– Ну, тогда скажи сама! – вмешался Азим.

– Как бы вам сказать... Нет, не могу сообщить.

Бакизат хотела уйти, но Азим задержал её:

– Ну скажи, что это? – пристал он.

– Какие вы глупые. Ладно, так и быть, скажу, тут... тут, понимаешь, клятва, которую я дала матери.

– Что-о? Клятва?!

– Не смейся. Правду говорю.

– Не понимаю. Клятва?..

– И понимать нечего. Когда доберёмся до места, вы не должны приставать к девушкам. Ведите себя смирно. Особенно ты. Слышишь?

– Батишжан, не знаю, кому как, а для меня это дело трудное. Ладно, доберёмся... Там видно будет, – рассмеялся Азим.

Да, ты видел, что до твоего друга ничего не дошло. Сказать по правде, ты тоже не придавал особого значения словам девушки, тем более кого-кого, а уж Бакизат хорошо знал. Она нисколько не походила ни на своих самоуверенных сестриц-студенток, тем более на томных, стеснительных на людях, с потупленными взорами аульных скромниц. И слова, сказанные вам с Азимом, воспринял как одну из обычных её милых проделок.

Но нет же, оказывается, она говорила тогда вполне серьёзно! С первого дня, как приехала на Оренбургский берег, Бакизат открыто стала сторониться Азима. Как он ни уговаривал, не ходила с ним вдвоём даже в кино. И не танцевала. Кажется, в день приезда... нет, на следующий день Азим хотел было обнять её при всех, но она вывернулась, отскочила. Всегда добивавшийся своего, Азим, хохотнув, подступил было вновь с раскрытыми объятиями, но Бакизат упёрлась ему в грудь кулачками.

– Ты ведь знаешь об этом, – сказала, показывая взглядом на свой «талисман» на шее.

– Ойбай, оставь это!

– Не оставлю! Мама-а!

– Мама твоя не видит.

– Зато видит Аллах. Нельзя нарушать клятву, данную матери.

Азим помрачнел. Шутка, к его неудовольствию, оборачивалась неудачей. Бакизат хотя и видела, что он расстроен, но не подавала виду. Следуя наставлениям матери, днём и ночью ни на минуту не разлучалась с девушками. Только однажды... Кажется, это было на четвёртый день, после полудня. Когда стала спадать дневная жара, вы особенно долго купались. Потом все сразу с плеском выбежали на берег и разлеглись на горячем песке. Бакизат лежала чуть в сторонке, прикрыв лицо газетой. Не заметила, что Азим стал приближаться к ней. Лишь когда, приподняв край газеты, потянулся поцеловать её, вскочила на ноги.

– Нельзя, тебе сказано!

– Один разочек...

– И полразочка нельзя.

– А... если через платочек?

– Как? Через платочек?

– Да, через платочек. Ну, прошу. Только чуть-чуть. Я уверен, ты небось не обещала матери не целоваться через платочек?

– Ну надо же! Как это пришло тебе в голову?

Вы разом рассмеялись. После этого они стали целоваться через платочек. Азим перед тем, как поцеловать девушку, демонстративно вынимал из кармана и развёртывал белоснежный платок.

Каждый день после полудня все предавались отдыху. Ребята, приподняв полог палатки с теневой стороны, играли в шахматы. А девушки, и здесь не желая расставаться со своими привычками, шептались, секретничали и хихикали. Но как-то однажды в полдень их смех подозрительным образом умолк. Увлечённые шахматами, парни не обратили на это внимания. Девушки, тайком от вас покинув свою палатку, спрятались за одним из песчаных барханов и сперва распили вино, потом, задыхаясь и кашляя, стали отчаянно курить... Лишь Бакизат, верная клятве матери, сидела в сторонке, отвернувшись от подруг, и чертила пальцем на песке. Потом вдруг, словно что-то вспомнив, вся встрепенулась, её озарила какая-то мысль. Сняла с шеи талисман и тут же, развернув бумажку, быстро пробежала её глазами. Будто не веря самой себе, протёрла глаза, прочитала ещё раз и бурно возликовала:

– Девчата! Девчата! – закричала, вскакивая с места. – Девчата, идите сюда. Посмотрите! Ну вот, сами посмотрите! – совала под нос подругам свою «клятву». – Видите? Вот, вот, читайте! Мама наказала «не пить вино», «не пить шампанское», так? А про пиво тут ничего не написано. Ну, пошли! Купим пива!

В тот день Бакизат, оказывается, выпила пива за двоих. И в дальнейшем девушки стали приносить в палатку пиво полными сумками и пить тайком от парней. Пустые бутылки не сдавали обратно в магазин, а зарывали в

песок прямо в палатке. В день возвращения домой вы с Азимом, ничего не подозревая, помогали девушкам собирать палатку. И сначала даже не поняли, что происходит с вами. Стоило сделать шаг, как ноги сразу заскользили по чему-то выпуклому и гладкому. Теряя равновесие, вы едва не попадали.

– Что такое? – спросил озадаченно Азим, нагнувшись посмотреть под ногами и тут же растянувшись во весь рост. Там, где он, поскользнувшись, упал, из-под песка выставлялись горлышки бутылок. Азим заржал: – Эй, Жадигер. Поди сюда! Погляди, что вытворяли наши скромницы.

И он, продолжая смеяться, стал выкапывать из-под песка, одну за другою, пустые бутылки с этикетками «Жигулёвское». Девушки застенчиво молчали. Особенно демонстративно стеснялись девчонки из рыбацкого аула. Они, как бы сгорая от стыда, опустив глазки, прятались друг за дружку.

– Ты у меня погоди, Бакизат, – пригрозил Азим, – вот приедем, всё матери твоей доложу!

Бакизат, словно принимая его вызов, дерзко глянула ему в глаза и, рукою откинув назад волосы, подбоченилась.

– Ну и рассказывай! Мама сама виновата. Про пиво-то она ничего не говорила.

Погрузили вещи в машину, но жалко было уезжать, и решили задержаться ещё на день. Обрадованные этим, уже всей компанией отправились в магазин. Накупили пива и, шумя, галдя, вернулись обратно. В тот день под открытым небом вы веселились до самого утра. Вначале пели. Потом танцевали. А когда спала жара, парни устроили борьбу. Потом бегали наперегонки. Первое место среди девушек заняла Бакизат, а среди парней – ты. По предложению Азима устроили состязание двоих, занявших первые места. Лёгкая, стремительная Бакизат сразу унеслась вперёд. Парни и девушки, вскарабкавшись на высокий бархан, кричали, шумели, подбадривая вас.

...Бакизат не догнать. То и дело оглядываясь на тебя, она мчалась впереди. То ли глаза застлало потом, то ли расстояние между Бакизат и тобой резко увеличилось, но вдруг на какой-то миг она словно исчезла. А когда ты, смахнув с лица пот, глянул вперёд, то не узнал Бакизат. Только что летевшая впереди тебя, не касаясь ногами земли, она превратилась вдруг в какую-то неведомую крохотную рыженькую девчушку, тоненькие ручки и ножки которой быстро мелькали в беге. Она по-прежнему неслась впереди как ветер, а когда оглянулась, то её лицо превратилось, к твоему ужасу, в мордочку рыжей лисицы. Что странно, тут же прозвучал короткий звонкий смешок, напоминающий отрывистое тьякванье лисы. Поражённый, ты приостановился, но тут же, уняв дрожь, рванулся вперёд.

Был полон решимости догнать её, кем бы это она ни была. Тебя задело за живое, что никак не можешь настигнуть это крохотное шустрое наваждение. Длинные, как оглобли, ноги твои стремительно несли тебя вперёд. Глаза заливало потом. Стал выдыхаться. Но ты был, как никогда, упрям и зол. Собрав остатки сил, бешено рванулся вперёд. Но девочка-лиса, хихикнув, оглянулась ещё раз и пригнулась, когда твоя вытянутая вперёд рука почти коснулась её. Ты со всего маху перелетел через девушку, грохнулся оземь, влетел в куст, подняв густой клуб пыли...

В глазах потемнело. Никак не мог прийти в себя. И вдруг прозвучал переливчатый девичий смех. Ты глянул в ту сторону, откуда раздался смех. Бакизат стояла совсем рядом, уперев обе руки в бока, и звонко хохотала.

– Это ты? А я... я обознался...

– Как...

– С другой перепутал...

– С какой другой?

– Сам не понимаю... Понимаешь... в глазах... Что-то...

– Что с глазами? Песок, что ли, попал?

– Нет, нет... Померещилось что-то... Н-не знаю. Ладно, оставим это. Ну ты даёшь, Бакизат!

– Давай отдохнём! – сказала Бакизат и села у подножия бархана и указала тебе место возле себя. Она была вся мокрая от горячего пота. Щеки её покраснелись. Всё ещё продолжая дышать тяжело, всей грудью, искоса поглядывала на тебя. Потом придвинулась ближе и стала маленькой ладошкой отирать струившийся с твоего виска пот: – Жадигер, ты не обиделся на меня? Ладно, не обижайся. Я, знаешь, на соревнованиях в ЖенПИ заняла второе место в спринте...

– Многих бегунов я видел... Но ты... Ничего не скажешь!..

Бакизат не походила ни на одну из девушек, которых ты когда-либо знал. Тебе было обидно, что люди не понимали её открытую, распахнутую навстречу всем без разбору добрую и отзывчивую душу. Кому-то она казалась обычной легкомысленной кокеткой, иные смотрели на неё как на лёгкую добычу. Бакизат сама, видимо, обо всём этом знала. Однажды она молча стояла рядом с тобой, потом, тряхнув тебя за руку, грустно спросила:

– Скажи, Жадигер... Только честно, я легкомысленная?

Твоё сердце защемило от нахлынувшей нежности и жалости к этой девушке, доверчиво глядевшей на тебя во все глаза и со смирением ожидавшей услышать, как приговор, твой ответ.

...В ту ночь ты не мог уснуть. Как ни старался ни о чем не думать, как ни зажмуривался, перед глазами всё оживало дневное наваждение. Ты где-то видел, встречал такую же, как лисёнок, рыжую, плутоватую, с острой мордочкой, девочку. Но никак не мог вспомнить. Может быть, потому, что это было давно?

Перевалило за полночь. Так и не сумев заснуть, ты встал, пошёл побродить у моря. Луна ещё не взошла. Бархатно-тёмное небо, густо усеянное мириадами звёзд, низко нависнув над подлунным миром, всецело отразилось в море. И теперь звезды мерцали и мигали прямо со дна моря. И ты видел, как и те звезды – на небе, так и эти звезды – на морском дне, умирали и рождались каждое мгновение, а на месте падающих звёзд тут же вставали их потомки, и они тоже посылали в мир свои молодые трепетные лучи, продолжая жизнь как там, на небе, так и здесь, на земле.

Где-то поодаль закричала ночная птица. Ты ещё не успел обернуться на крик, как с другой стороны всплеснула рыба. Рядом – ударила другая. Неужто влюблённые не только на земле убиваются, но и там, в глубине моря, обуянные страстью, одурев от счастья, плещутся, баламутят воду? Наверное, так оно и есть. Только бывают, видимо, и среди рыб неотёсанные недотёпы. Видишь, как он, бедолага, порывался схватить белорыбицу, но неловко выпрыгнул из воды и без добычи шлёпнулся обратно.

И, стоя на берегу сонного моря, ты вспоминал, как не раз и сам в жизни упускал из-за своей вечной неповоротливости и то, казалось бы, что само шло тебе в руки. И ты невесело усмехнулся.

* * *

Однажды, в последний год учёбы, решив проведать Бакизат, пришёл в общежитие женского пединститута. Маленькая комната полна девушек, отчего тебе стало не по себе.

Бакизат смутилась, кажется, ещё больше. Ей не хотелось, чтобы подружки приняли неуверенно вошедшего долговязого малого за её парня, и потому поспешила представить:

– Мой земляк. Мы с ним из одного аула.

Одна из девушек, маленькая, шустрая стрекотуха, прыснула в кулачок:

– Все джигиты у тебя почему-то всегда из твоего аула...

– Одну школу окончили, – сказала Бакизат.

Бойкая стрекотуха опять прыснула:

– Может, и за одной партой сидели?!

Промолчать бы тебе, да черт дёрнул за язык:

– Нет, нет, – сказал ты. – Мы с Азимом кончили школу на два года раньше неё.

Тут стрекотуха оглянулась на дверь и хмыкнула:

– Лёгко на помине. Тут как тут, голубчик!

В самом деле, дверь распахнулась, и в комнату вошёл, широко улыбаясь, Азим. Ты суетливо вскочил, но, тут же сообразив, что допустил промашку, сконфуженный, снова сел на место и, заметив на себе лукавый, искоса брошенный взгляд маленькой стрекотухи, густо покраснел. Азим обошёл всех девушек, здороваясь с каждой, дружески обнимал их, а когда наконец черед дошёл по кругу и до Бакизат, всё та же стрекотуха, поджидавшая этот момент, бойко скомандовала:

– А ну, девоньки, закройте глаза!

Девушки, казалось, только этого и ждали, все как одна прикрыли лица ладонями. Ты, не зная, как быть, растерянно оглядывался. Вот тут стрекотуха, поймав твой взгляд, знаками показала: «Закрой глаза, живо!» Ты, как послушный ученик, моментально подчинился. Через секунду она шепнула тебе на ухо:

– Всё! Можешь открывать.

Девушки помирали со смеху. Некоторые даже попадали на кровати, зарывшись лицом в подушки. Азим выпустил зардевшуюся Бакизат и, кажется, только теперь увидел тебя.

– Я его всюду разыскиваю, с ног сбился... А он вот где, оказывается. Впредь буду знать, где тебя искать...

– Не пори ерунду. Я болел, неделю лежал.

Другой бы на месте Азима смутился, может, даже извинился, а он, обращаясь к девушкам, готовым смеяться каждому его слову, подмигнул им и захохотал сам, первый, – вот, мол, он каков, простачок наш!..

Ты вспотел. Подавленный и пристыженный, чувствовал себя здесь лишним и напряженно раздумывал, как бы скорей убраться отсюда.

Но в это время, как нарочно, насмешница-стрекотуха принесла исходивший паром алюминиевый чайник.

– Дружище, пей!

Азим с преувеличенным усердием предлагал тебе чашку за чашкой крутого чая. Ты, обливаясь потом, дрожащими руками пошарил по карманам, но, как назло, платка при тебе не оказалось.

– Сейчас, дорогой, – воскликнул Азим, бросив насмешливый взгляд на тебя, изнывающего от пота, и достал из кармана аккуратно сложенный, как для поцелуя, платок. Развернул, словно приглашая всех убедиться, какой он чистый, выглаженный, надушенный, и только после этого сунул в твою потную руку... Взрыв хохота. И ты, не помня себя, вскочил с места, выбежал в коридор, а оттуда на улицу...

* * *

После того случая обходил общежитие ЖенПИ за версту. Азима нигде не встречал. Да и не желал его видеть. Хотя сам ещё толком не осознал то новое, что открылось тогда тебе в твоём дружке. И почему-то не выходила из головы пущенная про него кем-то шуточка: «О, этот чёрт пока доберётся до своей цели, попутно с десяток девиц перещупает...»

В тот раз ты и сам убедился: покуда он подбирался, как кот к салу, к Бакизат, перецокал подряд всех девушек. Ты клял себя, надо было ещё тогда съездить по его красивой физиономии...

Приплёлся к себе в общежитие как побитый, плюхнулся на койку с продавленной сеткой, долго лежал, мрачно уставившись в потолок. Толком не знал, отчего и почему сильно зол на Бакизат.

Не мог заснуть всю ночь. Задремал лишь перед рассветом. Едва сомкнул глаза, как услышал: «Пойдём поиграем!» Ты обернулся. И увидел с острой и плутоватой, как у лисёнка, мордочкой рыжую девчущку-наваждение. Проснулся в испуге и сразу представил ясно и чётко, как будто это было вчера... Ходил ты уже в школу или нет, не помнишь. Мать испекла тебе лепёшку. Ты с горячей, только что из печи, лепёшкой в руке выбежал на улицу. Заканючил, заюлил, прижимаясь к твоим ногам, голодный дворовый пёс. Ты, спрятав руку с лепёшкой за спину, стал отгонять его. И вот тут чьи-то пальчики схватили тебя за руку сзади. Резко обернувшись, увидел соседскую девчущку и обрадовался. Отломив половину горячей лепёшки, протянул ей. Она выхватила хлеб и с криком «догоняй!» бросилась бежать. Ты кинулся следом. С этой озорной конопатой девчущкой тебе никогда не было скучно. Она ни минуты не могла устоять на месте, постоянно затевала какую-нибудь новую игру. Стоило только оказаться рядом, как она, неожиданно ткнув тебя пальцем в бок, бросалась прочь. Её мелкое подвижное тельце словно создано для того, чтобы мчаться вперёд. Такая крохотная, словно птаха! Стремглав неслась так, что только сверкали босые пятки, к песчаным барханам за аулом, где вы в играх проводили каждый день. Как всегда добежав первой, перемахнув через бархан, плюхнулась на песок. И ты, примчавшись следом за нею, повалился рядом. Не успев отдышаться, оба принялись за хлеб. Она съела свою долю раньше тебя и, вытянув шею, почему-то настороженно посмотрела в сторону аула. Затем придвинулась к тебе. Устроившись у тебя под бочком, неожиданно стихла. Ты краем глаза покосился на неё. Она, закусив губу, замерла, почти не дышала. Потом робко тронула тебя за локоть. Думая, что надо бежать ещё куда-то, ты торопливо, давясь, дожевал остаток лепёшки и, уже готовый, приподнялся с места. Но, к твоему удивлению, она продолжала лежать. Пробормотав: «Сейчас! Сейчас!», – засуетилась и начала торопливо стягивать с себя пёстрые штанишки. Ты испугался. Зажмурил глаза, а когда их открыл, то она уже, сняв штанишки, лежала на спине, со сжатыми губами, выжидательно глядя на тебя сверкающими глазками.

Ты закрыл лицо рукой... А потом... Что было и как было потом, у тебя совершенно вылетело из головы. Ты даже не помнишь, как добрался домой. Мама обняла тебя, лихорадочно дрожавшего под одеялом, и тихо спросила: «Что с тобой, сынок, кто-то обидел?» Ты не ответил, лишь вцепился в неё руками: «Не уходи! Не уходи, я боюсь!» Ты тогда верил сказкам взрослых, что вот в такой предзакатный час бродят черти, и боялся открыть глаза. Тебе казалось, что стоит открыть глаза, как по углам большого дома, где уже стусилась тьма, пробежит что-то рыжее, с лисьей мордочкой.

Ты задремал. И приснилась тебе рыжая девчущка. Ты во сне, как и наяву, хотел поскорее избавиться от неё и отдал ей лепёшку. Но стоило тебе только на

миг отвлекусь, как она, изменив обличье, мгновенно превратилась в козлёнка, который хрустел зелёным молодым кураком. Быстро его дожевав, просительно уставился на тебя и тонким голоском проблеял: ме-ме-е! Ты закрыл глаза и вновь открыл... Только что жевавший, причмокивая маленькими губами, хрустящий курак козлёнок с черной мордочкой... но-о... это был вовсе не козлёнок! Это рыжий чертёнок с двумя только-только проглянувшими во лбу молодыми рожками. Ты в ужасе закричал и проснулся. Уже тогда понял, что всё это привиделось неспроста!

* * *

Минула целая осень с того дня, как ты в последний раз видел Азима и Бакизат. Потом прошла и зима. И вот, сияя улыбкой, пришла весна... Ты, оказывается, крепко на них обиделся, если всё это время старался не вспоминать про друзей. Напрочь отгонял мысль об их существовании на свете. Только однажды... Да, как это было? С чего всё началось? Ну да, приближались госэкзамены. С учебниками ты ложился спать, с ними рано поутру и просыпался.

В тот день... особенно устал. Голова гудела, как котёл. Когда вышел на улицу, солнце уже перевалило зенит. Ты зажмурился, невольно отвернул голову в сторону, и тут утомлённый твой взгляд упал на одинокий тополь. Он был старым. Старее, пожалуй, самого здания общежития. За долгие годы, прожитые в нелёгкой борьбе с ветрами и снегами, весь могучий ствол его покрылся коростой, словно панцирем. За пять лет студенческой жизни сколько раз, не замечая старого тополя, ты проходил мимо. А в тот день... При виде тополя ты, поражённый, даже приостановился.

Кто знает, может, эта встреча со старым тополем была написана тебе на роду как нечто неотвратимое, неизбежное. В самом деле, не обрати ты тогда на него внимания, быть может, по другой колее повлеклась бы медлительная арба твоей судьбы и не томился бы ты сегодня весь день на пустынной льдине?.. Потом, много лет спустя, сколько бы ни думал, сколько бы ни пытался разобраться в причинах ваших с Бакизат нелепых отношений, мысль неизменно возвращалась к тому тополю. Чем-то он тогда тебя поразил. Быть может, неистребимым жизнелюбием, точь-в-точь как у знаменитого толстовского дуба. Ещё только вчера в угнетённом своим долголетием старом тополе не было ничего, кроме безглаговного равнодушия ко всему. А теперь, смотри... бунтующая сила весны пробудила и его, казалось бы, не поддающуюся каким-либо переменам, дремлющую душу, погнала живые соки, словно горячую кровь по жилам. «Одаривая щедрым благом Божьим, вернулась к грешному весна!» Ты несколько раз повторил про себя невесть откуда пришедшие на память строчки и привалился спиной к толстому, в два обхвата, стволу старого тополя. Тебе стало вдруг радостно оттого, что весна снова вошла в силу и властно распоряжается всеми и повсюду. Небось в это время и у подножия Бел-Арана уже поднялась молодая польнь, оглушая окрестности терпким упоительным духом. Охваченный щемящей тоской по родному аулу, ты едва ощутил, как налетел с гор свежий ветерок. Но тут же снизу доверху, ожив, зашуршали, затрепетали на дереве листочки. Запорхали с ветки на ветку воробьи. Ты ещё сам не знал, от какой радости тянется, рвётся ввысь твоя душа, но сердце трепетало и томилось в ожидании чего-то неизбежно прекрасного.

Стайка хлопотливых воробьёв суетилась, оглушительно чирикала, носясь с ветки на ветку, порхая над твоей головой... Видать, весна принесла и в их бесхитростную жизнь немалые заботы и волнения. Смотри, сами по себе такие

махонькие... Интересно, о чём всё-таки они щебечут? Может, делятся друг с другом теми крохами радости, что довелось им испытать среди суетных забот дня? Или просто счастливы напоенным негой весенним днём, своим гнездом, обустроенным в трудах? А ведь им, беднягам, как и людям, приходится метаться в бесконечных хлопотах о судьбе готового вот-вот появиться потомства. Может, об этом их озабоченно щебетанье?

Ты улыбнулся, не переставая удивляться столь страстному жизнелюбию крохотных Божьих созданий. Они перенесли нелёгкую зиму, избежали сотен опасностей и вот теперь как ни в чем не бывало радуются благим переменам в жизни и с упоением, без оглядки предаются своим весенним трудам.

А мы чуть что – бьём себя в грудь: мол, мы люди, цари природы. А знаем ли мы, цари, подлинную цену жизни хотя бы в той мере, как это дано птицам? Или, подобно озорным и неразумным детям, только и делаем, что всё крушим, ломаем и портим? А эти... эти бедняги, крохотные пичуги?.. Нет, это всё-таки поразительно! Они, похоже, намного лучше и острее нас понимают добрые знаки изменчивой природы. Вот ты, поглощённый лекциями, сессией, даже не заметил, как пришла весна. Не будь этих птиц, этого дерева, ты бы, пожалуй, мог и проморгать наступление весны.

Неизъяснимая радость, завладевшая тобой, подхватила и помимо твоей воли понесла тебя неизвестно куда. И ты, не чуя под собой ног, бежал, бежал без оглядки, точно ошалелый, и не было тебе дела ни до грохочущих трамваев, ни до шумной толпы.

Очутился перед трёхэтажным светлым зданием, которое так упорно обходил стороной несколько месяцев. И тогда пришёл в себя. Тихо перевёл дух.

Да, если всерьёз вдуматься, вся напасть в твоей жизни началась со старого тополя, с тех воробышек. Тот весенний день стал роковым в твоей жизни... Но узнать это тебе было суждено много позже. А тогда просто некая властная таинственная сила привела тебя туда, куда ей было нужно, будто лишила рассудка, и всё, что делал ты в тот день, происходило почти неосознанно, как в бреду, само собою. Так, по крайней мере, представляется тебе сейчас, когда ты сегодня с утра раннего стоишь на этой льдине и пытаешься шаг за шагом вспомнить всё своё прошлое.

...Ты бежал, как блаженный, как пьяный, улыбался во весь рот каждому встречному, как бы приглашая всех порадоваться вместе с тобой. Влетев в здание института, ошалело огляделся и потом, всё с той же полётной лёгкостью на душе и в теле, бегом бросился по лестнице вверх, перепрыгивая через три ступеньки. И вдруг... будто наткнулся на невидимую стену. С верхнего этажа спускалась она... Чувствуя, что тебя покидают силы, схватился за перила. Вот и она тебя заметила. И ты обратил внимание, как она изумилась... видимо, твоему, как всегда неурочному, появлению. Бойкий стук её каблучков на мгновение будто зашнурлся, сбился со своего уверенного ритма. Она дёрнула за рукав шедшую рядом подружку-стрекотуху и что-то шепнула ей на ушко.

Сердце твоё замерло. Кажется, ты догадался, что она сейчас говорит своей насмешливой подружке. Неужели опять о надушенном платке Азима в твоей потной ладони?

Ты стоял как истукан, не осмеливаясь поднять глаза. Стоял в растерянности, не зная, как быть, как поступить, когда эти насмешницы, готовые в любую минуту прыснуть, пройдут мимо тебя. Должно быть, Бакизат догадалась о твоём состоянии. Пропустив вперёд загадочно потупившихся вдруг подруг, она сама чуть поотстала. Ты посторонился, плотно прижавшись к стенке, будто хотел слиться с нею. Она молча взяла тебя за руку, слегка пожала её.

– Жадигер... – Её голос прозвучал необычно мягко и ласково. – Куда ты пропал? Почему не показываешься?..

– Времени, знаешь... Лекции...

– Понимаю, конечно. К экзамену готовишься?

– Да... И вы?

– Мы тоже... Шли как раз сейчас в городскую читалку.

– Ну, тогда иди... Догоняй. Я просто так... Проходил мимо...

– Хорошо, что пришёл, Жадигер. А то ещё немного, и я бы, наверное, сама...

Как? Неужели?.. Горячая волна прилила к сердцу. А притихшая рядом Бакизат метнула на тебя из-под ресниц быстрый взгляд. Потупилась. И, отчего-то смутившись, вся вспыхнула. Поспешно отвела наполнившиеся слезами глаза, кусая губы, часто-часто заморгала.

– Что с тобой?.. Ба-ки-зат?

– А, так... Ничего... Не обращай внимания. – Отвернулась, сморгнула слезы, и через мгновение на лице её появилась смущённая улыбка.

Наверное, устала, решил ты... Нервы... Смотри, как осунулась, поблекла за те дни и недели, что не видел её.

– Что это ты? Повернись-ка. Повернись! – сказала Бакизат и, уверенная, что ты всегда готов беспрекословно исполнить любое её желание или каприз, повернула тебя, стала стряхивать с твоей спины извёстку, в которой ты измазался, уступая давеча дорогу девушкам.

У тебя закружилась голова. «О Боже! Боже! Не во сне ли это?»

– Следил бы за собой, – участливо, как близкому, сказала она.

Всё ещё не зная, верить или нет, ты тревожно и вместе с тем радостно глянул на неё. Раньше... при встречах подворачивались ей на язычок какие-то озорные слова. То, бывало, с усмешкой спросит: «Не завёл ли себе зазнобу?..» В другой раз звонко рассмеётся: «Когда женишься? Хоть бы на свадьбе твоей погулять!» А теперь... Закружилась голова. Может, это всего-навсего сон? Тогда, выходит, во сне кружится голова? И вся твоя неожиданная, переливающаяся через край радость, от которой так гулко колотится сердце и стучит в висках, всё это не явь вовсе, а всё тот же сон, его чудесное продолжение? Не знаешь, чему поверить. Счастью или сомнению? Надежде или страху?

Ты смотрел на Бакизат с мольбой: может, подскажешь? Но Бакизат молчала. Дрожащими пальцами нервно теребила пуговицы на кофточке...

Ты с болью вспомнил недавний разговор аральских ребят, которые говорили, что, мол, Азим решил жениться на ней, объявил даже день свадьбы, но потом сам всё расстроил. «Выходит, правда?!»

– Как... из дома письма получаешь? – спросил её.

Бакизат молча кивнула. Надо бы отвлечь её от грустных мыслей. Не то, казалось, она вот-вот расплачется.

– Скучаешь небось по аулу? – спросила Бакизат.

– Да. Что-то никак не могу привыкнуть к городу. Шум, грохот, суматоха.

Чем больше ты говорил сам, увлекаясь ходом своей неожиданно подвернувшейся мысли, тем удивлённей она смотрела на тебя.

– Недавно мама приезжала.

– Вот как?! А я не слышала.

– Я никому не говорил... Показал ей город. Самые лучшие места. Показал красивые дома... А она, поверишь ли, на третий день видеть больше ничего не захотела. Чудной народ, говорит, эти горожане. И не лень было, чертям, камни на камни громоздить?..

Бакизат расхохоталась. Смеялась так долго, от души, что под конец, то ли в самом деле обессилев, то ли с умыслом, повисла на твоём плече. И опять

показалось, будто всё это происходит с тобой во сне. Она с трудом уняла смех, щеки её порозовели, глаза заблестели. И ты тоже повеселел. Но вдруг Бакизат вновь приутихла. Стала скучной.

– Значит... ты нынче заканчиваешь? – спросила Бакизат.

– Да.

– И, конечно, в аул подашься?

– Даст Бог, в аул...

– Может, ты и женишься с Божьей помощью?

– Ну, что ты так, Бакизат...

– Почему же?! – она открыто взглянула на тебя, и в глубине черных глаз появились столь знакомые тебе лукавые искорки.

Тебе стало не по себе. Проклятые уши, выдавая твоё состояние, уже горели.

– Маме твоей помощница нужна... Ведь так?

– Так-то оно так. Только...

– Ну, говори. Что мешает тебе?

Видно, так уж устроен мир, что каждый перед кем-то должен робеть. Сколько раз ты видел, как, дерзкая и самоуверенная с тобой, Бакизат при встрече с Азимом потерянно опускала глаза и начинала ковырять носком туфли землю.

– В таком случае я сама оженю тебя!

– Ка-ак?..

– Очень просто.

– А... на ком? – невольно вырвалось у тебя. Голос прозвучал так глухо и невнятно, что ты и сам себя едва расслышал.

– А разве мало девушек?

– Немало, конечно... Но... но... где?

– Да вот... Одна стоит-то... рядом с тобой, – сказала она, засмеявшись, словно в шутку, но ты по голосу почувствовал, как трудно ей это далось, – если нравлюсь, конечно...

В ушах у тебя зашумело. Сердце забилось гулко, будоража кровь, оглушая, будто стучало не в груди, а в голове.

– Ну-у... Слышишь?

Да, слышал. Едва кивнул головой. Если Бакизат верна себе, то сейчас выкинет ещё какую-нибудь шутку, небось, схватит озорства ради тебя за руку и, не дав опомниться, хохоча, потащит за собой: «Ну что, побежали в загс?» В ожидании чего-нибудь подобного бросил на неё быстрый взгляд. О Аллах! Что... что с ней? Как она бледна! И глаза сквозь опущенные ресницы смотрят покорно. Ты всё ещё не верил своему огромному, обрушившемуся вдруг с небес счастью, но шагнул к ней, стоявшей на ступеньку выше, и, задыхаясь, судорожным, бесчувственным голосом произнёс:

– Ты... ведь это... Батиш... Не в шутку, да-а? И в самом де-деле... вправду... вправду, да?

– Да! Да! Правда! Пра-авда!.. Чего ещё надо тебе? – вскрикнула она и, задыхаясь, исходя злыми слезами, вдруг кулачками заколотила по твоей груди.

И вот тут... будто и тебя подхватил какой-то вихрь. Неведомая, в тайниках твоего существа свёрнутая до поры до времени тугая пружина молодой бесшабашности вдруг развернулась – тебя взмыло, понесло куда-то. И уж не понять, что к чему... лишь потом, после женитьбы, ты дивился – каким иступлением сердца и ума могут обернуться порой самые лучшие человеческие чувства... Если бы мог в тот момент видеть себя со стороны! Как нелепо, наверное, и дико расхохотался ты. А в следующее мгновение грубо и

неловко сграбастал её, подхватил, словно ребёнка, на руки. И она опешила, желая вырваться, опять колотила тебя в грудь:

– Пусти! Пусти же, сумасшедший!

Но ты не мог, да и не хотел никого ни слышать, ни видеть. Тем более не хотел соображать. Бакизат высвободилась наконец из твоих объятий. Торопливо поправив причёску, оглянулась. Она не злилась. Не обижалась. Нет. Только с какой-то бесконечно женственной, чуть снисходительной, лёгкой и такой милой кокетливостью деланно нахмурилась и нежно шлёпнула ладошкой по твоей руке. И было всё это, видимо, небесным знаком, предопределившим и твою, и её судьбу...

Да, совместная ваша жизнь волею судеб началась тем роковым весенним днём посредине лестницы, ведущей на второй этаж женского педагогического института.

* * *

Место, где сегодня находился ты, называлось заливом Тущи-бас. По одной его стороне темнеют молчаливые мрачные скалы. Цепь таких же камней тянется далеко-далеко по воде, и уже где-то в открытом море оканчивается крутым серым утёсом – Кара-тупом. Сегодня он едва проглядывает размытыми очертаниями в сумеречной дали. Позади в морозной дымке встаёт, будто нависает над всей заснеженной степью, Бел-Аран. Не раз в минуты тоски и одиночества рыбаки, зимой и летом в открытом море, с надеждой оглядывались назад, туда, где остался родной стародедовский берег. И первым, что они видели, возвращаясь ли домой или на долгие дни покидая родной очаг, был он, родимый Бел-Аран, немой свидетель нескончаемых поколений человеческих судеб в этом краю. Непроступной преградой вставал седой горный увал на пути буранных набегов, оберегая могучим своим кряжем рыбацкий посёлок от напастей лютой степной зимы. Заслонив собой полгоризонта, располагался он здесь искони, от дней сотворения мира, храня в своей молчаливой памяти причудливые деяния людей. Не только людей. Зорко и бесстрастно следил увал за всеми потрясениями, выпадавшими на долю поморья и поморцев за тьму веков.

Всё вокруг, кроме самого Бел-Арана, белым-бело. Куда ни посмотри – ни травинки, ни кустика, сплошная и ровная, придавленная низким серым небом снежная пустыня. И ни одной живой души. Безмолвие наглухо, будто навсегда, сковало Вселенную. Только издалека, со стороны моря, где клубится и бесследно тает в серой мгле холодный морской туман, доносится глухой, ни днём, ни ночью не утихающий протяжный рокот. Ты время от времени прислушиваешься к привычному с детства гулу. Он слит со всем миром. А ты смотришь, не отрываясь, на свои следы. Они теряются где-то там, откуда пришёл. Твоё воображение то уносит тебя в далёкую заснеженную степь, раскинувшуюся за рыбацким аулом, то возвращает обратно. Чуть дальше, за белоголовыми дюнами, где сегодня утром оставил жеребца, возвышается во мгле, смутно темнеет крутояр. После Бел-Арана это наиболее приметное место во всей округе. В старину, рассказывают, на склоне этой кручи лепились одна к другой убогие землянки казахских рыбаков, нанимавшихся к русскому купцу. И сейчас на месте их былой жизни зияют ямы. Кое-где в сизой золе прежде пылавших тут очагов желтеют рыбы кости. Над этим мёртвым пепелищем равнодушно пролетает ветер. И теперь лишь старики рыбацкого посёлка, ненароком проходя мимо печальных руин, могут ещё вспомнить, где и кто когда-то жил здесь.

За какой-то десяток-другой лет дряхлеет, изнашивается человеческая плоть, увядает пышущая некогда былая краса. Ибо все в жизни преходяще. Но даже на склоне годов поразительным образом остаётся неизменной

память, ощущение однажды вспыхнувшего в душе, осветившего всё твоё существование чувства. И оно, это чувство, умудряется оставаться даже в истомлённом жизнью теле таким же трепетным и свежим, как будто всё это произошло только вчера...

Одинокий человек очнулся, поднял голову. Тяжёлые думы не отпускали его... Бедные предки, как они старались возродить своей кровью и потом родной край!

Человек вздохнул и оглянулся вокруг. Тускло-белая мгла всё так же окутывала холодный мир. И не за что уцепиться глазу на припорошенном снегом льду. И тогда он в какой уж раз глянул на цепочку своих следов. Странно, но ведь только что, кроме его следов, не было ничего видно на белом снегу... А теперь появились на нем чёткие отпечатки крошечной птичьей лапки. Они тянулись рядом с его крупными следами и, лишь немного не доходя до самого человека, вдруг обрывались. Человек огляделся, посмотрел на небо. Оказывается, поднялся ветер. В открытом море он заметно крепчал, диковато засвистывал, набирая силу.

Дуло откуда-то из степей, преодолевая резко горбатившийся на своей середине хребет Бел-Арана. Мглистая морозная дымка совсем скрыла горизонт. И вместе с этим невесть откуда налетавшим ветром поднималась в душе тревога. Одинокий человек водил глазами по небу, всё искал бог знает как очутившуюся здесь птаху и вдруг услышал где-то совсем рядом тоненький писк. Боясь резким движением спугнуть новое наваждение, он скосил взгляд под ноги. Это была совсем озябшая пичуга, обыкновенная камышовка. Непонятно, то ли ослабевшая от голода, то ли больная, она, вся взъерошенная, сидела, не шелохнувшись, на снегу, в двух шагах от него, пугливо поводя глазками-бусинками. «Видно, и эту беднягу гонит какое-то горе...» – подумал он. И вдруг поймал себя на том, что и сейчас, следя за птахой, он покосился влево... Это насторожило его. Видать, неспроста были настойчивые напоминания жены о его возможном психическом отклонении. «Может, и вправду нездоров?» – думал он. Нелепые подозрения занозой впились в сердце. И тревога росла день ото дня...

Однажды он загнулся самым неожиданным образом, когда выступал перед рыбаками. Поначалу не замечал, что блуждающий его взгляд всё время уходил влево и притягивался к блестящей потной лысине родственничка, который ловил каждое его слово, приладив к остатку уха, откушенного и выплюнутого недавно Кошеном, шнурок слухового аппарата. А когда заметил, – панический страх пронзил его. И он кое-как закончил свою речь. И вот опять... Весь день, считай, проторчал на пустынном ледяном поле, о чём только не передумал. А тем временем, оказывается, помимо воли постоянно косился влево... И несчастная озябшая камышовка явилась ему – слева.

Он хмыкнул, оторвал взгляд от серенького комочка и снова посмотрел на неровную, мучительно спотыкающуюся цепочку своих следов. Неужели и впрямь существует некая фатальная связь между следами человека и его сущностью? Вот погляди-ка... Не видно разве, что брёл рослый сутулый мужчина, брёл, опустив голову, руки, как плети, висели вдоль тела. Шёл, приволакивая ноги, будто к каждой по булыжнику привязано. Не только сейчас, он и прежде каждый раз, возвращаясь с моря, брёл вот так под вечер домой. «Ах, это ты? – Бакизат встречала его с насмешкой. – А я думала, старик какой-нибудь». К зрелым годам вовсе стал смотреться стариком. Сверстники в шутку ли, всерьёз звали «бабаем». С этим вполне свыкся. Лишь иногда, попавши с женой в какую-нибудь компанию, приходилось испытывать неловкость. И вот однажды, находясь с нею в Аральске, оказались в гостях у

знакомого врача. Встречал вас бородатый детина. Подойдя прямо к Бакизат, он, щёлкнув каблуками, бесцеремонно взял её за руку и, прикладываясь к ней губами, бросил исподлобья взгляд на тебя:

– Красивая у вас дочь. По всему видать, в мать...

Бакизат попыталась было отдернуть руку. Но бородатый не отпустил, пока не расцеловал один за другим все её пальцы. Тебя он совсем забыл. Продолжая мелким бесом виться вокруг Бакизат, он, взяв её под руку, усадил рядом с Ягнячьим Брюшком. А тот сразу встрепенулся, скрипнув стулом, придвинулся ближе к Бакизат:

– Потому как ваш муж скрывал до сих пор такую фею, думаю, что он самый настоящий феодал.

– Все мужчины скрытые феодалы, – усмехнулась Бакизат.

Ягнячье Брюшко ещё что-то сказал. Ты, глядя на него, был даже удивлён, что он умеет говорить увлечённо, даже комплименты отпускает и хохочет, тряся плечами. Тебе и до этого вечера доводилось бывать вместе с ним в гостях. Помнится, он был совсем другим. Да, тогда не верилось, что руки его, всегда важно покоившиеся на туго накачанном животе, вообще умеют совершать какие-нибудь движения.

– Ешьте, дорогая, вы можете не опасаться за свою фигуру. Уверяю, что уж кому-кому, а вам это не грозит... По крайней мере до конца этой пятилетки, ха-ха-ха...

Супруга Ягнячьего Брюшка забеспокоилась, заёрзала на стуле:

– На тебя люди смотрят. Ешь, ешь сам, пока не остыло!

Хозяин дома поднялся, намереваясь произнести тост. По тому, как он разволновался, даже взмок весь, было ясно, что постарается сказать как можно лучше. Но оплошал. Мысли смешались, и он, неожиданно, должно быть, даже для себя самого, выпалил:

– Небывалым расцветом нашего Арала мы... мы обязаны вам. Давайте, товарищи, за... за нашего испытанного руководителя района выпьем... стоя!..

Голос дрогнул, сорвался. Гости, грохоча стульями, вскочили. После двух-трех подобных тостов Ягнячье Брюшко подобрел, повеселел и, усыпив парой фраз бдительность супруги, опять подался к Бакизат, расплываясь в улыбке.

– Нет-нет, дорогая, уверяю вас. Такие педагоги, как вы, и городу нужны... Давайте переведём вас в город.

– Спасибо. Но какая женщина может поехать без мужа?

– Конечно, можно и мужа вашего перетащить. Только... Знаете, у него вечно с планом неладит...

– Выходит, и тут отговорка есть.

– Почему «отговорка»?.. Нам только захотеть. Не так ли? – Ягнячье Брюшко обратился к сивоголовому пожилому мужчине, который сидел поодаль.

– Конечно... Достаточно одного вашего слова, – промямлил тот.

А ведь было время, когда люди побаивались этого крутоватого и резкого по характеру человека. Бывало, в самый решительный момент сивоголовый порывисто вставал, энергично жестикулируя, напрягая и без того раскатистый голос, с размаху обрушивался на своих противников. Иногда перечил даже самому Ягнячьему Брюшку. Но это в прошлом. А теперь, дожив до пенсионного возраста, будто сломался, предпочитал больше отмалчиваться.

– Да, дорогая, нам только захотеть, и мы вас с мужем...

– А ну вас... Вы, начальники, обещать только горазды.

– Нет-нет! Докажу! На деле докажу.

Ты видел, как смелела Бакизат. Она глядела теперь на своего прилипчивого соседа озорно, черные глаза её лукаво и весело заблестели, всё более привлекая

внимание падкой на сплетни городской компании. Раза два ты было заикался об уходе, но Бакизат, не дав тебе договорить, затеяла оживлённый разговор с тем бородатым детиной. К счастью, захмелевшие гости не обращали на тебя внимания. Многие вообще забыли о твоём существовании. А кто ещё помнил, с явным неодобрением взирали на тебя, весь вечер угрюмо молчавшего под боком у такой прелестной женщины, непонятно как ставшей твоей женой.

«Уйду!» – решил ты. От нечего делать принялся рассматривать предложенный гостям семейный альбом. Но сосредоточиться не мог, перед глазами кружилась в чых-то объятиях не в меру развеселившаяся Бакизат. Вдруг услышал за спиной стук каблучков.

– Пойдём потанцуем!

– Не стоит, Батиш... Ноги тебе отдавлю.

– Ничего, научишься. Пошли!

– Помилуйте, какая же трогательная привязанность к мужу!

Ягнячье Брюшко, расплываясь в улыбке, подошёл и уверенно вывел её в круг. Бакизат держала Ягнячье Брюшко на расстоянии от себя, при каждой его попытке прижать её она, смеясь, ловко уходила в сторону, увёртывалась, появляясь затем то с одной, то с другой стороны. Тебе казалось, что танцы длятся вечность. Стараясь быть равнодушным, ты переворачивал страницы семейного альбома, а глаза рассеянно скользили по лицам каких-то незнакомых и неинтересных тебе людей. Ни одно из них не удавалось разглядеть, они мелькали, сливаясь перед глазами, как мелькает пёстрая толпа на улицах незнакомого города.

– Знаете, я тоже, как вы, в гостях рассматриваю альбомы.

Ты захлопнул альбом. Мельком покосившись на хозяина, решил про себя, что он, пожалуй, и в самом деле чем-то похож на тебя. Хозяину стоило немалых трудов усадить гостей вновь за стол. Ягнячье Брюшко был неузнаваем, он весь цвёл. На свою жену, которая, скорбно поджав губы, крепилась из последних сил, и не смотрел. Его вниманием безраздельно завладела Бакизат. Он без конца тянулся к её уху, что-то нашёптывал, при этом с довольным видом похохатывал.

– Знаете, дорогая, что сказал в свой последний приезд из столицы наш знаменитый земляк?

Бакизат насторожилась.

– Вы о ком?

– Я, мол, сказал он, предпочтительнее отношусь к красоте не столько собственной жены, сколько жены соседа. Здорово, а?

Ты заметил, что кое-кто за столом с ухмылкой посматривал на тебя. Ягнячье Брюшко опять склонился к Бакизат:

– В тот раз на вашем месте сидела особа хоть и не такая красивая, как вы, но в своё время будоражившая кое-кому сердце. Азим Сулейменович оглядел её с головы до ног и сказал: «Эх, жаль! Встретиться бы нам лет пять-шесть назад, и я мог бы проглотить вас вместе с тувельками, не боясь, что шпильки застрянут в горле!» Ну, каково, а?!

Ты едва не поперхнулся. Схватился было за чашку с чаем, чтобы протолкнуть противный комок в горле, но нечаянно задел рукавом рюмку и опрокинул.

– Ничего-о, к счастью! – ухмыльнулся Ягнячье Брюшко.

В гостиной стало душно. Ты знал уловку Ягнячьего Брюшка: он имел обыкновение передавать собственные мысли чьими-нибудь словами. Даже когда хотел распечь кого-либо из неугодных ему подчинённых, напролом, в открытую не лез, предпочитал науськивать кого-нибудь другого. И свою жертву добывал чужими руками. Ты усмехнулся.

– Чего ухмыляешься? – насторожился Ягнячье Брюшко.

Ты сам не заметил, как резко поднялся. Разговор за столом мгновенно смолк. Краешком трезвого разума ещё понимал, что ведёшь себя, может быть, смешно, а то даже и неприлично, но уже не мог совладать с захлестнувшей яростью:

– Мы здесь пьём. Едим. А там, у рыбаков, даже питьевой воды нет.

– Ну и что? Хочешь решить проблему питьевой воды во время горьких возлияний?

Довольный своим ответом, Ягнячье Брюшко засмеялся, обвёл торжествующим взглядом сидевших за столом. И все тотчас засмеялись, даже загоготали.

– Да садись!.. Не стой над душой, народный заступник! – смеялся Ягнячье Брюшко. Между тем бес упрямства разыграл в тебе.

– Нужны бурильщики.

– Не понимаю. Вы недавно шумели, что нашли воду!

– Верно. Бурильщики на глубине пятисот семидесяти метров наткнулись на воду. Обрадовались люди, старики молитву сотворили...

– Небось барашка в жертву принесли?

– Как же без того... – вякнул кто-то в конце стола.

– Безобразие! Тут, понимаешь, мяса не хватает, а они там по всякому поводу... чёрт знает что...

– Зачем тебе бурильщики? Есть же теперь у вас источник, молитвой освящённый, хе-хе...

– Смеяться нечего... Прибрежья сильно засолены. Бурильщики напали на незасолённый уровень. Дня три била из скважины пресная вода... слой прошёл... солёная пошла... Я докладывал вам об этом.

– Значит, ваши старики плохо молились. Или мало было для заклятия одного барашка.

– Положение у них незавидное. Я сам в том убедился, – хмуро буркнул молчавший до сих пор сивоголовый. Ягнячье Брюшко недовольно покосился на него, но тот не обратил на это внимания. – Я сам видел... Жёны, дети рыбаков всё лето бегают, ведрами громыхают, воду ищут питьевую. Прямо беда... Джин-шайтан, чёрт знает что...

– Ладно... Посмотрим...

– Нет уж... Бурильщиков присылайте. Речь не обо мне... о людях!

– О-ого! Ты смотри, как заговорил! Да просто оратор!

– Оставьте ваши шутки! Тут и немой заговорит.

– Ну, уймись! То клещами из тебя слова не вытянешь... ишь, оратор, Демосфен аральский объявился... Тамада, дай ему слово.

– Ха-ха-ха! Пусть говорит, аральский Демосфен!

– Хе-хе-хе! Ну-ка, Демосфен, толкани речугу!

Ты не знал, что ещё говорить, и уставился в рюмку, которую держал в руке. За столом воцарилась тишина. Все, предвкушая потеху, с любопытством ждали, что же скажет «аральский Демосфен».

Но ты всё никак не мог начать, мысли скакали, путались, гости с нетерпением заёрзали, заскрипели стульями. На красивом лице твоей жены проступила краска смущения и досады.

– Что ж, скажу...

– Ну давай, давай!

– О начальстве уже сказано, по-моему, достаточно. Я не хочу повторяться.

– Интересно... что он скажет, давай послушаем!

– Я буду говорить об Арале. Да, друзья... Пусть священный наш Арал... родной, вновь войдёт в свои берега, на радость и благо всем нам... людям. Давайте за это...

Грянул хохот. Смеялись все. Смеялись от души. Ягнячье Брюшко заходился и трясся так, что, казалось, ещё мгновение – и он попросту свалится со стула. «А-ай, маладес! Маладес! Сказал же я – Демосфен!.. – стонал он, захлёбываясь смехом и похлопывая тебя по спине... – Ай, маладес! Тебе, дорогой, небось и во сне Арал снится? Ох, уморил!.. Уа-ха-ха-а...»

Как стремительно, однако, проходит время! С тех пор прошло... Постой!.. Сколько же, однако?.. Месяцев шесть, что ли? Сколько пришлось тебе с той поры пережить событий – одно горестней другого. Остался ли в этой призрачной юдоли ещё не испытый тобой яд? После более или менее удачного улова в устье Амударьи вас подстерегали напасти одна злее другой. Одновременный отъезд из аула двадцати пяти семей... Гибель на ваших глазах тысячных стад сайгаков. Потом Сырдарья. Путина. Целый месяц вдали от дома, на льду, на ветру. Бог ли внял мольбам жён и детей, духи предков ли поддержали, но удача вновь улыбнулась, рыба в старицах досталась вам. А когда счастливый, окрылённый удачей, примчался домой, то... О Создатель!.. Скажи, в чем провинился я? Причинил кому-либо хоть чуточку зла?

Как ни сдерживался Жадигер, слёзы подступили к глазам. И подбородок его задрожал. Он больше не смотрел на цепочку своих следов, к которым всё это время было приковано его внимание. Он теперь стоял, вскинув голову в лисьем треухе, широко расставив ноги, всё на том же месте, где остановился сегодня утром.

Перевалило за полдень. Ну, что... Так и будешь стоять? Есть ли конец у этих снедающих душу дум? Неужто они так же будут омрачать твою голову, как те-е серые, холодные тучи, что собираются, сгущаясь, над Бел-Араном?

Апырай!.. Апырай, с чего началось всё? Кто виноват? Кто? Ты? Она? Нет, за ней вины нет. Ну-у, сознайся... не хватило у тебя великодушия, не мог простить ей те крохи радости, что выпали ей на долю с человеком, которого она любила и продолжает любить. Сгорая от ревности, чуть не убил её. С какой стати ревнуешь её к любому прилипчивому взгляду мужчины? Даже в гостях у знакомого врача... Те, тоже хороши, прилипли к ней, словно решив позлить тебя, наперебой приглашали танцевать... Ну и что... Пусть танцует. Разве можно укорять за это? Где видано, чтобы мужчины и женщины не танцевали в гостях? Стоит выпить, как все тут же пускаются вилять задками, будто там завелись черви и зуд нестерпимый... И в тот раз, когда после одной-двух рюмок не столько молодёжь, сколько солидные отцы прытко пустились в пляс, потряхивая своим пузом, лихо притопывая и вздымая пыль, ты нутром чувствовал, что это добром не кончится.

И тут хозяин дома, раньше других заметив, что ты помрачнел, сам тоже переменялся в лице. Бедняга не отходил от тебя, суетился и все приставал с расспросами:

- Жаке, Жаке, что с вами? Не заболели? Может, лекарство дать?
- Нет! Что вы...
- Может, что-нибудь от сердца?
- Нет, нет, ничего не надо.
- Апырай, а? Жаке...

Не зная, как отделаться от назойливого уха, ты повернулся к Бакизат. Но только что стоявшая рядом жена уже кружилась в объятиях бородача.

О Боже! Была ли вообще тень разума у большевиков, которые захотели уравнивать слабый пол с мужчинами? Для чего им равенство! Есть ли на свете женщина, которую ущемляло бы то, что она не мужчина? Особенно Бакизат... Вовсе нет у неё желания уравниваться с мужчинами. Вон, другие

женщины вроде бы, если что-то тайком и вытворяют, то делают это украдкой от своих мужей. А моя же благоверная, наоборот, выставляет своё женское естество напоказ. Если на то пошло, она этого никогда и от тебя не скрывала. Да и вообще, когда-нибудь она прикидывалась бесполом ангелом? И так ли хорошо было бы подобное лицемерие перед Матерью-Природой? Тоже – женщиной.

* * *

...Наутро вы летели на самолёте домой. В полёте, на полшести к дому, вас вдруг настиг приаральский шквальный ветер. Нёсся он с моря, поднимая над степью мутную пыльную бурю. Раньше не случалось таких бурь в Приаралье, они возникли в последнее время. Старенький «кукурузник» мотало в воздушных потоках, точно утлую лодчонку на крутых волнах. Измученные, будто побитые, шатаясь, еле добрались до дому. По приезде ты, как всегда, вопреки возражению Бакизат, сразу облачился в пропахшую рыбой и морем рыбацкую робу и не мешкая выехал к тоням по другую сторону моря.

* * *

Кажется, с этого дня и разыгрались неслыханные события: да, такого, пожалуй, ещё никогда не было. Не только нынешнее поколение, но отцы и даже деды и прадеды, искони кормившиеся морем, такого на своём веку не видывали. Во все времена бывало так: рыбак поставит на ночь сеть, а следующим утром проверит. На худой конец вытянет хотя бы на ушлицу.

А в тот день рыбаки, рано поутру проверяя сети, глазам своим не поверили: ни одной рыбёшки не оказалось в ячеях... На другой день поднялись ещё раньше. И опять, борясь с ветром и волнами, направили лодки в море. И снова, как вчера, проверили сажень за саженью все сети, расставленные от края и до края чуть ли не по всей северной части Арала... И опять пусто!

Всё ещё уповая в рыбацком терпении на удачу, вышли в море и на третий день – опять то же самое... И на четвёртый, и на пятый, и даже на шестой день не удалось вытянуть хотя бы чебачка.

– Не к добру, видать... Не к добру.

– Да, что-то случилось с нашим морем.

– Море ни при чём. Мы, видать, Бога прогневили. Надо жертву принести.

– А при чём тут Бог... Рыба куда-то ушла!

– Как ушла? Куда может уйти рыба?

– Так ушла же. И не догонишь...

В тот день ты пришёл домой поздно. Молчал. Еда в горло не лезла. И сон не шёл. Всю ночь ворочался с боку на бок. Как бы хотел забыться, не думать ни о чём, но, как назло, не выходил из головы тот тревожный разговор рыбаков возле пустой сети. Что значит «ушла рыба»? Куда могла податься? Бывало, конечно, что люди, спасаясь от голодного мора, бросали веками обжитые места. Порой приходилось всем родом-племенем в панике бежать, скрываясь от преследующего врага. В иные годы бескормицы в поисках пастбищ могла разбредаться скотина. Даже зверьё, почуяв беду, разбегается. Но чтобы рыба?.. Тем более нашего моря... намертво окружённого со всех сторон безводными пустынями и песками Кара-Кумов, Кызыл-Кумов...

И вот прошло полгода. С того времени как море стало мелеть и уходить от своих берегов, жителей приморья счастье стало обходить стороной. Особенно тяжким выдался этот год. Зима была бесснежной. Лютовал мороз. А лето, как назло, без дождя. Пыльная позёмка пуржила по всей степи. С ранней весны задул с юга знойный, всё испепеляющий суховей, на корню выжиг едва-едва

пробившуюся травку. Земля, и без того истерзанная непреходящей жаждой, после нескольких лет жестокой засухи иссохла, растрескалась сплошным такыром. В том году по календарю была ещё весна, когда из степей вдруг далеко за аулом появился клуб пыли. Не сразу люди обратили на него внимание. А те, кто обратил, недоумевали: «Что это могло бы быть?» Облако пыли по мере приближения разрасталось всё шире и шире, растекаясь по степи. Вскоре вся беспредельная рыжая степь за аулом была заволочена пылью, которая, будто живая, наползала, надвигалась, приближалась все стремительней.

Люди выбегали на улицу. Недоумение росло. Забегали, засуетились в страхе женщины, окликавая своих детишек. Не меньше людей встревожились собаки. Толком не разобравшись ни в чём, не знали, броситься ли с лаем навстречу пыльной туче или лучше подождать? И в своём собачьем нетерпении, усердно виляя хвостом, поскуливая, всё поглядывали на хозяев, будто спрашивая, как быть им.

Вскоре послышался слитный гул тысяч копыт. Потом со стороны мутной бури стало доноситься фыркание каких-то животных. И вскоре перед оцепеневшими людьми неслась, смутно мелькая в пылевой завесе спинами, огромная масса сайгаков, сбегавшихся к морю неисчислимыми косяками. Шли сплошной стеной. Впереди двигался, пригнув к земле голову, мощный лунорогой козёл. Увидел впереди синевшее вдали море? Звериным нюхом почуял близость воды? Но вдруг поднял на ходу голову и, высоко задрав её, остановился как вкопанный, с сопением втягивая в себя солоновато-горький прибрежный воздух. Дрожь пробежала по его неистово напряжённому телу. Властно оглянулся на стадо, которое, выбегая из пыли, стало напирать сзади. И вдруг, по-козлиному мекнув, вожак с места сделал огромный прыжок, будто его хлётко огрели камчой. И понёсся сайгак, полетел стрелой к морю. За ним бросилось всё окутанное пылью стадо. Бурый холм за аулом точно пробудился ото сна, загудел под тысячными ударами копыт. Из аула кинулись навстречу собаки, но обезумевшие от жажды сайгаки не обращали ни на что внимания, неслись, как горный сель, как буйный поток, неостановимо, с диким первобытным рёвом, бляением, перханием.

Собаки дрогнули. Отскочили в сторону, боясь быть смятыми. Только матёрые волкодавы, взъярённые степным звериным духом, набросились на сайгаков и, без труда настигая жертву, растерзали несколько коз. Измученных от жажды и голода, обессиленных долгой перебежкой сайгаков забавы ради ловила аульная ребятня. Забивали коромыслами женщины. А сайгаки всё шли и шли, валили потоками, поднимая пыль на всё побережье, невзирая на страх, на гибель.

Шедшие впереди во главе с вожаком, достигнув моря, с ходу бросились к воде, жадно припали к ней. Но солёная морская вода после первых жадных глотков отторгла их от себя. Растерянно застыли они у воды...

Через день-другой среди несчастных животных начался сплошной моровой понос. Настигнутые чёрной напастью, несчастные сайгаки с запавшими боками бродили в прибрежных степях всё лето, сбиваясь в большие и малые косяки. Пыль из-под их копыт вздымалась в полнеба и с утра до вечера стояла серой мутной стеной, нависая над движущимися стадами.

От пыли не было спасу. Ближе к морю земля, насквозь пропитанная и покрытая белой солевой коркой, лезла в глаза, в ноздри, набивалась в уши животным, и сайгаки беспрестанно мотали головами, пофыркивали, перхали. Южное солнце в разгар лета, казалось, неподвижно застревало в зените. Взбитая копытами земля вскоре превратилась в горячую золу. Даже птицы не летали над нею днём. Сайгаки, пропадая, металась по степи в поисках тени, лезли в каменистые лощины, овраги, скрывались в прибрежных чахлах

зарослях чия. В глазах их застыла мука. Гибель наступала зверьё повсюду. Гонимое жарой, мучаясь без воды и корма, это кроткое, боязливое дикое животное в иные знойные дни само шло к людям, пытаясь прятаться в тени подворий.

Однажды перед обедом ты сидел дома, дожидаясь, когда спадёт жара. Кругом тихо. И вдруг всполошилась, захлебнувшись от лая, дворовая собака. Схватив палку, ты побежал туда, где разъярённо хрипел пёс. Когда прибежал, чёрный кобель, загнав в угол маленькую сайгу, уже начал по живому рвать несчастную, а та только вся дрожала, дёргалась, обезумев от боли и страха. У тебя вроде бы крепкие нервы, но и ты, выронив палку из рук, опустился на землю и, закрыв лицо руками, закусив губу до крови, горько заплакал.

* * *

Не нами замечено: иной плачет, а иной, глядишь, от радости скачет. Так и Сары Шая в эти дни ног под собой не чуял от счастья-удачи... То, что мечтал получить лишь на небе, он, казалось, вдруг обрёл на земле. Ведь надо же, раньше, бывало, быстроногую степную тварь и со сворой гончих не достигнешь, а теперь она сама повадилась к тебе в хлев, прямо во двор лезет, на нож сама напрашивается, мол, свежего мяса не хотите ли? Ну скажи, кто откажется от дармового? И Сары Шая не отказывался. Потирая руки, похихикивал: «Верно говаривали предки: о всякой живой твари сам Создатель позаботится. Бог даст день, Бог даст и пищу. А у него, у Бога-то, добра, по-видимому, куда как много! При желании Он всех облагодетельствует. Вишь, всю жизнь выклянчивал, вымаливал у людей крохи, а Аллах, Всемогущий и Всемиловитый, взял да целый куш отвалил. Вон сколько коз стало в хлеву. Только наточи нож да берись за дело. Ешь – не хочуй!» И в безумном азарте блестели, бегали у Сары Шаи глаза:

– Эй, жена, где ты? Давай, разводи огонь. Да поскорей! А то ведь все уши прожужжала: мяса да мяса... Вот тебе мясо! От жирного куырдака морду воротить будешь! Рыгать начнёшь. Давай, давай, пошевеливайся. Где нож?!

В те дни не расставался Сары Шая с ножом. Забрызганный кровью, засучив рукава, ходил по двору, будто заправский мясник. Не одну дрожавшую в смертной агонии животину лишил жизни, придавливая коленом голову к земле. Но вот беда... вся дичатина оказалась тощей! Ни пропарить, ни прожарить, одни жилы да хрящи. Жуёшь, жуёшь, а на зубах – тьфу!..

– С какой стати нам на милость Аллаха надеяться? И вообще, где это видано, чтобы Аллах человеку задарма что-нибудь подкинул? Всё надо добывать самому...

Сары Шая настолько расстроился, рассвирепел даже, что, не помня себя, выскочил из дома. Пошёл к конторе, в жидкой тени которой сгрудилась возбуждённая чем-то молодёжь. Когда подошёл, все с горящими глазами, перебивая друг друга, говорили о небывалой доселе в этих краях охоте. Сары Шая вмиг забыл про свою досаду и, заражаясь рассказами молодёжи, повеселел даже. Проворно извлёк из кармана свой слуховой аппарат, с которым не расставался. И, поднося его к одному, к другому рассказчику, немного послушав разгорячённых джигитов, вдруг и сам не удержался:

– Только что подмял под себя, – до чего матерый попался сайгак. Одни рога чего стоят... Бабу и детей накормил. Жир меж пальцев сочился!..

Тут Сары Шая сглотнул слюну. Оглянувшись, соображая: не сильно ли загнул? Но, заметив, как возбуждённая молодёжь жадно слушает, облизываясь и сверкая глазами, решил, что ничего, сойдёт. И продолжал с жаром:

– Умные люди давно предупреждали: на море не надейся. Море – безмолвный враг. Уже шесть дней ни одной рыбёшки в сети не сунуло.

Хорошо, что сам Всевышний смилостивился и нагнал сайгаков. Вон псы и те растолстели. А шкурки какие? Хочешь, штаны себе сшей. Хочешь, подстилку под зад стели. А сайгачьи рога? О-о! Мы в них ни хрена не понимаем. Знающие люди говорят, будто казна за рога золотом платит... Из них важное снадобье делают. Целебное. Вроде мужикам в постели с бабой силы придаёт. Да-да... я сам только недавно об этом узнал.

Джигиты переглянулись. Сары Шая, размахивая зажатым в кулачке «микрофончиком», стал с жаром рассказывать о том, как там, в городах, стало нынче модой украшать стены рогами козла, архара, оленя... Прибьют к стенке рога и радуются. Такая вот мода пошла. А падкие до всякой моды городские бабы ради неё ничего не пожалеют. Денег у них навалом... «Так вот, джигиты, если проявить кое-какую расторопность, то можно в два счета набить сколько хочешь этих козлов. Шкуру и мясо – себе, а рога продать городским бабам, пусть себе тешатся...»

Джигиты примолкли. От моря теперь добра ждать нечего. Море решительно отвернулось от людей. В самом деле, если не полениться, кучу денег можно наворотить.

На другой день, будто по заказу, остановилась проездом в ауле геологическая партия – загорелые, обожжённые на степном ветру и солнце парни. На огромных, с синими капотами грузовиках. Вечером за чаем Сары Шая, разливая им по стаканам водку, живо расписал все прелести ночной охоты, неслыханную выгоду от добычи и без особого труда уговорил охочих до развлечения парней. Выехали, когда стемнело, на нескольких машинах с зажжёнными фарами и уже за аулом, под бугром, наткнулись на большой косяк сгуртившихся сайгаков. При виде огненноглазых чудищ, с рёвом напозаввших из тьмы, они оцепенели от ужаса. Ослеплённые и оглушённые животные начали сбиваться, давя и налезая друг на друга, в одну сплошную обезумевшую и хрипящую массу. Грохочущие чудовища, налетев со всех сторон, сбивали бамперами, бортами, давили колёсами, с хрустом переезжали сайгаков. На другой день, едва дождавшись сумерек, снова покатали в степь. То же самое и на третий. Сотни и сотни сайгаков, коз и косуль с мутными от ужаса глазами были задавлены ради рогов, кое-кто даже, нимало не смущаясь, говорил «понтов»... Все только и повторяли слова Сары Шаи: «Добыча. Рога. Дармовые деньги. Кипы, охапки денег. Настигай! Хватай! Истребляй, где можешь!»

Аул лихорадило.

Ты вызвал Сары Шаю в контору. Вместе с Рыжим Иваном пытались говорить с ним по-хорошему, и так и сяк. Пробовали постыдить. Потом, поняв, что всё это бесполезно, решили припугнуть. Сары Шая вроде слушал вас снисходительно, внимал увещаниям, однако с лица его всё не сходила загадочная, какая-то мечтательная улыбка. Видно, представлял себе и переживал тот неуёмный, не сравнимый ни с чем охотничий азарт, вожделенную страсть, когда он, чуть не вываливаясь из кабины, гнал с ружьём в руках на бешеной скорости за стадом обречённых сайгаков. Подлетает – и ба-бах!.. Бах! Во-от, достигнутый пулей, сайгак, ещё ничего не понимая, замирал в ужасе. И только потом, сделав предсмертный прыжок, с лёту падал мертвым. Как во хмелю, охваченный диким азартом, он хватается тушу за ноги, бросает в кузов, потом всё на той же бешеной скорости мчится дальше, сшибает и крушит сайгачье стадо.

– Охота! Вот это наслаждение! Вот где душе воля! Да вы сами попробуйте... Про рыболовство мигом забудете. Все у меня охотничками заделаетесь!

Сары Шая от собственных слов пришёл в сильнейшее возбуждение. Лысое темя порозовело, покрылось испариной.

– Всю страну мясом завалим!

– Слушай, ты, убивец! Стыда, вижу, не знаешь. Хоть Аллаха побойся, – сказал Рыжий Иван. – А то ведь и мы найдём на тебя управу. Закон применим.

– Закон?.. Аллах?.. Нашёл чем меня стращать! Всё это я лучше тебя, праведника, знаю. Назови мне статью, запрещающую охотиться на сайгаков! Чёрта с два! А что касается Бога, то разве не Он ниспослал в такое тяжкое для нас время это благо в образе сайгаков, а? Не так?! Это и есть Божья милость.

И Сары Шая, гордо хмыкнув, пошёл было восвояси, но ты вскочил, живо настиг дядю у двери и бесцеремонно вкогтился всей пятернёй в его плечо:

– Больно ты распоясался, дядя. Не забывай, что я здесь власть. Надо будет – прокурора вызову да засажу тебя в каталажку.

– Ойба-ай! Ой, что ты, айналайын...

– Никаких айналайынов. Безобразия не допущу! Закон, сказано, применю!

Однако слух о несметной добыче, о возможности быстро разбогатеть докатился и до соседних аулов, до отдалённых участков. То, что несколько дней подряд сети оказывались пустыми, потрясло, надломило рыбаков всего побережья. А тут, как назло, разбушевалось море. Волны нещадно расшвыряли лодки. Кое-как расставив сети, измотанные, в задубевших от соли робах, рыбаки понуро сидели в камышитовой лачуге. Кончились продукты, прихваченные из дома. Кто-то яростно грыз сухарь.

– Эй, Жадигер! – резко ударил тебе в уши злой, взвинченный голос, отчего ты вздрогнул. – Посмотри на людей! Не люди – мыши. Слышишь, как хрумкают?

– Вижу, Кошке... Но что вы от меня-то хотите?

– Чего я хочу? Ни хрена не хочу. Прими только сеть, два весла да лодку.

И до свидания. В этом море не то что рыбы, лягушек не осталось.

– Ну, Кошке...

– Что?.. Что ты заладил «Кошке, Кошке»?.. Слушать тебя не хочу...

– Ну послушайте, пожалуйста!

– Не желаю, чтобы на старости лет люди прозвали меня чёрным сусликом. Хватит с меня. Лучше пойду в напарники к Сары Шае. Буду коз ловить. Мясо жрать. Рога продавать.

В тот же день, когда строптивый Кошен, несмотря на все уговоры, покинув бригаду, подался в аул, из Аральска прибыл сивоголовый... Ягнячье Брюшко, как только начинал гореть план, раньше насылал к вам инструктора райкома. Был тот официален. Как бы желая ещё более подчеркнуть свою официальность, и в нещадный зной приезжал в застёгнутом на все пуговицы черном костюме. А туго завязанный под самым подбородком черный галстук снимал разве только на ночь перед сном. Ты не успевал поприветствовать его, как он, наскაკивая петушком, вставал перед тобой грудь в грудь: «Ну, баскарма, где рыба?» На этот раз Ягнячье Брюшко прислал сивоголового. Того самого, с которым вы были на вечеринке у врача райбольницы. Мешковатый мужчина предпенсионного возраста запросто ввалился в лачугу, с порога прогудел приветствие. Потом, словно ища что-то, оглядел поочерёдно всех рыбаков. И, показалось, так и не нашёл того, что искал. «Апыр-ай, а? Черт знает что», – сказал удивлённо непонятно кому. Потом швырнул у порога пузатый портфель. Косолапо прошёл вглубь и грузно сел рядом с тобой на пол:

– Апыр-ай, а? Столько сайгаков! Тьма-тьмуца! – сивоголовый вытер пот с широкого лица. Расстегнул пиджак, помахал его бортами, опахиваясь. – Травы нет. Воды нет. Всё в степи сгорело. Бедняжки не дотянут до зимы, перемрут зазря. Если бы ты видел, какая тоска, какая мука у них в глазах. Надо ж, а?! Нет, это чёрт знает что... Шайтан, джинн...

Ты помнил, что сивоголовый тогда, в гостях у врача, всем видом своим сочувствовал тебе.

– Ну как... бурильщиков присылали?

– Всё обещают.

– Не отчаивайся. Надо просить и просить. Требовать! По приезде я тоже напомним начальству.

Сивоголовый посидел немного, мучимый духотой, обмахиваясь бортами пиджака, бурно дышал. Вдруг неожиданно хохотнул, затрясся всем телом:

– Теперешнее начальство, что старая дева, любит набивать себе цену. Да, да, дорогой мой, надо ходить по одному и тому же делу с низжайшим поклоном по сто раз, обивать все пороги.

Сивоголовый пробыл несколько дней. Вместе с другими вставал спозаранок, вместе выходил в море. Каждый день поздно вечером возвращался с улова с рыбаками в лачугу и хмуро глядел на чадивший очаг, на булькающий котёл на тагане и, время от времени недоуменно озираясь по сторонам, удивлённо восклицал:

– Апыр-ай, а?! Куда подевалась рыба? Ни чебачка... Надо же! Нет, это чёрт знает что... Шайтан, джинн!..

* * *

Видно, когда человек устаёт от сплошных неудач, он с обострённой тоской вспоминает редкие счастливые минуты прошлого. Вот и ты, с утра томясь на ледяном поле, пытаешься вспомнить какие-то крохи радости... В памяти всплыл день, когда окончились занятия в школе.

Было это на следующий день после приезда сивоголового уполномоченного. Ты решил съездить в аул за продуктами для рыбаков и заодно побывать на школьной линейке. Жители аула с утра высыпали на улицы и стекались к клубу, где с утра не умолкал громкоговоритель, установленный на столбе. Пришли разнаряженные женщины, ведя за руки малых детей. Пришли и парни с бутылкой водки за пазухой. Было по-праздничному торжественно, шумно, народ шутил, смеялся. Перед клубом под открытым небом сидел за столом сам директор, по правую руку от него – завуч, по левую – старшая пионервожатая. Директор школы объявлял итоги учебного года. Стоило ему похвалить какого-нибудь ученика, как тут же все бросались поздравлять счастливого родителя: «Надо обмыть! Давай раскошеливайся!»

В тот день ты тоже был горд за свою дочурку, получавшую второй год подряд похвальную грамоту. И на обратном пути из школы усадил её на плечо:

– Доченька, ты сегодня моя принцесса! Папина принцесса! – счастливо бормотал и сиял от радости.

А «принцесса» смущалась прохожих, прикрывала ладошкой папин рот и, краснея, шептала:

– Папа, не надо!.. Замолчи!

Увидев, как в окне соседнего дома смуглый озорник, прилипнув к стеклу носиком, показывал ей язык, и без того сидевшая против воли на отцовском плече твоя «принцесса» засмущалась, захныкала и, когда ты опустил её на землю, стремглав, не оглядываясь, побежала...

– Айналайбын! Принцесса моя быстроногая...

И вот, когда родительское сердце, охваченное радостью, переполнило грудь, вдруг холодной змеей вползло туда сомнение. Все, кто сейчас хвалил твою дочь, говорили «трудолюбивая». Говорили «старательная». Ещё говорили «усердная». Так оно и есть, наверное. Но человеку, выбирающему свой путь, чтобы быть во всём впереди, чтобы его звезда сияла ярче других,

разве достаточно этих качеств, которыми сегодня отметили твою дочь? Если, допустим, человек трудолюбив, старателен и усерден, значит ли это, что его жизнь удостоится непременно похвальной грамоты?

Ты призадумался. Покачал головой: «Вряд ли! Вряд ли!»

Ты вернулся к своим рыбакам, когда в камышитовой хибаре уже по-ночному сгустился сумрак. Дёрганный ветер-поморник перед закатом улёгся, затих. Но море, уходя в ночь, по-прежнему тревожно ворочалось, а волны, не находя себе покоя, тяжело и монотонно ухали. Перед сном ты подвинул свою постель ближе к стене, где расположился сивоголовый уполномоченный, и прилёг рядышком. Укладывались и другие, и уже вскоре в лачуге раздавался тяжёлый утомлённый храп.

– Не спишь? – уполномоченный толкнул тебя в бок.

– Нет...

– Я так и думал... И меня тут, знаешь, бессонница доконала...

Сивоголовый приподнялся, запалил папиросу и, раза два жадно затянувшись, зашёлся в судорожном кашле. Пошарил в темноте, что-то ища, придвинулся к тебе. От едкого дыма долго не мог прийти в себя, всё что-то возился там, стараясь унять кашель заядлого курильщика. Дышал сивоголовый трудно, надсадно, с присвистом, с каким-то хлюпаньем в груди. Нетрудно догадаться, что он, по всему виду, страдает астмой.

– Слушай... а что ж не задержался дома?

В ответ ты что-то промямлил. Уполномоченный, видать, смекнул, что невзначай задел твоё больное место, и потому не стал больше расспрашивать. Он всё ещё с надсадцей хватал, втягивал в себя воздух, растирал ладонью грудь. Зажатая в пальцах папироса погасла, только чувствовался ещё в темноте тяжёлый запах табачного дыма.

– Джинн-шайтан... чёрт знает что... – пробормотал по привычке уполномоченный, продолжая, видимо, мучиться и думать о чём-то своём.

Ты повернулся к нему в надежде, что он скажет что-то ещё, но тот лишь беспокойно возился, ёрзал, кряхтел на постели. Видно, и этому бедолаге хватает собственного горя-горюшка.

– Как со здоровьем, ага?

– А, к чёрту его! К исходу жизни здоровье у всех в прорехах...

– Дети есть?

– Слава Богу, детей хватает. Жена у меня смазливенькая была. По молодости лет, когда она ещё постель грела, увлекались мы и сами не заметили, как высидели целый выводок... Обоего пола птенцов полно. Уж на что-что другое, а на дочерей-то да на сыновей мы богаты.

– А взрослые есть?

– Есть. Сыновей оженали, дочек замуж выдали. Но, Жадигержан, ведь нынешние дети, сам знаешь: борода до пупка, а из родителей всё равно сосут, как прожорливые бычки свою мать...

– Да-а, такое уж поветрие пошло.

– Хочешь не хочешь, а пока жив, и пенсию на них пополам делишь...

– Они не виноваты. Надо было учиться – они учились. Десять лет в школе. Пять лет – в институте. Иные потом ещё три года в аспирантуре пыхтят. Считай, полжизни ухлопали ради этого. А что толку?

Некоторое время молчали, вслушиваясь в ночной рокот моря за окном и в нестройный храп измотавшихся за день рыбаков. Кто-то в углу во сне стонал, задыхался, потом вроде совсем захлебнулся в храпе, похоже, перестал даже дышать. Ты уж стал не на шутку беспокоиться, но тот вскрикнул, проснулся и что-то невразумительное пробормотал... «Шофёра-бала, видно, во сне черти

дерут, – невесело усмехнулся ты про себя. – Да-а, у всех свои заботы... каждого своя ржа точит».

– Вот так-то, дорогой Жадигер. У бездетного – одна печаль, у многодетного – тысяча.

Уполномоченный вновь улёгся в постель, по обыкновению пробормотав что-то неопределённое, вроде: «Апырай, а?.. Куда подевалась рыба? Чёрт знает что... Шайтан-джинн...» Ты понял, что тебе сейчас не уснуть, накинул на плечи пиджак, вышел. Ходил долго, сперва по берегу, потом пошёл в сторону степи, всё больше удаляясь от рыбацкого стана... Ночь тёмная. Не видно ни черного крутояра, ни далёкого Бел-Арана. Вроде бы ты направился в сторону степи, а ноги сами собой привели обратно к берегу. Но в лачугу возвращаться не хотелось. Там во тьме мечутся в тяжёлом сне рыбаки, ворочается в постели измученный бессонницей сивоголовый, всё никак не находя ответа на свой, одному лишь ему ведомый, недоуменный вопрос: «Апыр-ай, а? Джинн-шайтан. Чёрт знает что такое...»

* * *

Наутро, решив пригласить сивоголового в гости, ты отправился пораньше домой. Бакизат обрадовалась.

– Вот хорошо, что ты приехал! – бросилась навстречу, не успев даже застегнуть халат. – Есть разговор.

Взгляд твой сам собою застрял на одном месте, замороженный атласной белизной её пышной красивой груди. Ты поспешно отвёл глаза в сторону:

– Ну, слушаю...

У Бакизат дёрнулись в усмешке губы. Странно было ей видеть, как этот сорокалетний дюжий мужчина не перестаёт смущаться перед, казалось бы, невинной наготой собственной жены.

– Я же говорю, есть дело, а ты... – Бакизат запахнула халат. Она стала уговаривать провести отпуск вместе, в Алма-Ате. – Поедем, а? Может, с сокурсниками встретимся.

– Понимаю, но... нет уж, поезжай лучше сама.

– А ты? Как же твой отпуск?

– Да какой мне отпуск? План горит. А тут ещё навалилась беда. Рыба отчего-то ушла...

– Да ну её, бог с ней. И план пусть горит синим пламенем! Море усыхает, рыба гибнет, ты-то тут при чём? Значит, решено, едем?

– А начальство?.. Ему хоть в воду ныряй, но план давай.

– Подожди... Это Ягнячье Брюшко, что ли?.. Который тогда со мной танцевал? – Бакизат рассмеялась, покачала головой. – Он такой грозный, да? Ну что ж, ладно... Раз не можешь – оставайся.

– Хорошо, Батиш. Ты у меня умница...

– Ты не обидишься? Тогда буду собираться.

– Да-да... Собирайся. Поезжай.

Самолёт прилетал раз в неделю. В другие дни курсировал между городом и рыбацким посёлком на той стороне залива Туши-бас. В том посёлке раньше находился рыбозавод, но вот уже пять... нет, семь лет, как его закрыли, и за это время жители в поисках работы наполовину поразъехались. Тем не менее рейсовый самолёт всё ещё летал туда по некогда заведённому порядку ежедневно. А вылетал рано утром. Ты отвёз жену на старом грузовике к самолёту.

Когда вернулся, возле конторы толпился народ. Ты ещё издали заметил, что там же находится одноухий Сары Шая, явно чем-то озабоченный. Вдруг он встрепенулся и, приставив ладонь ко лбу, уставился в степь. Вскоре из густой рыжей пыли вынырнул грузовик. Не успел народ опомниться, как машина резко

затормозила. Из кабины неторопливо вылез грузный рябой мужчина в засаленной тюбетейке. Нижняя толстая губа, отягощённая насыбаем, выпятилась, что придавало его крупному мясистому лицу брезгливое выражение. Едва ступив на землю, он обеими руками поддёрнул спереди свои мешковатые брюки, потом, задрав голову, хозяйски оглядел кузов. Там, опущенная на колени, громоздилась одnogорбая верблюдица. Вытянув длинную шею, не обращая внимания ни на что вокруг, тоскливо смотрела в сторону далёкого горизонта.

Сары Шая хмыкнул:

– Э, кто этот, в тюбетейке? Вместо того чтобы с людьми поздороваться, он верблюдице своей, как святому, поклоны бьёт...

Рябой мужчина не торопясь отряхнул с себя дорожную пыль. Потом так же не спеша поправил сползшую во время дорожной тряски тюбетейку. От чесотки ли, от парши или ещё Бог весть от какой давней болезни вся голова рябого, кроме макушки, скрытой под тюбетейкой, пестрела бурыми пятнами.

Выходки странного путника больше всех, казалось, задели Сары Шаю:

– Нет, вы только поглядите на него. В упор никого не видит. Наверное, такой же толстокожий, как и его верблюдица, – опять поддел он незнакомца и, как бы ища поддержки, оглянулся на аульчан.

Рябой всё медлил, посасывал насыбай. Лишь выплюнув его под ноги, наконец повернулся к собравшимся, но и повернувшись, не стал здороваться со всеми за руку по принятому здесь обычаю, а приложил правую ладонь к сердцу, сдержанно, но учтиво поклонился.

Сары Шая понял, что ему не удастся вывести незнакомца из равновесия. Однако и молчать не в его привычках. Указывая на верблюдицу в кузове громадного грузовика, он усмехнулся:

– Ах! Ах, как важно восседает скотина, будто на троне!

Верблюдица скорбно смотрела туда, откуда её везли, и жалобно постанывала.

– Да будет удачлив путь! – сказал Рыжий Иван, приглашая незнакомца на разговор.

– Рахмет! Да сбудутся твои слова, – откликнулся рябой. – Из Кунграда вчера вывез. Хвалили, что добрая порода. Потому и купил у знакомого каракалпака. Тоскует животное по родному краю. Всю дорогу стонет...

– Да-а, это благородной, арабской породы верблюдица. Она пуце человека привязывается к родной земле.

– А я слышал, что эта порода всегда убегает на родину, в какую бы даль её не увезли. Смотри, как бы и у тебя не убежала. Надо бы на дорогу глаза ей черной тряпкой завязать.

– Я и сам было об этом подумал, но уже поздно. Купил её ради молока. Жена нарожала кучу детишек.

– Понятно...

– Мне бы чаю... Ну, братья, признавайтесь, чья жена проворней? – Незнакомец с усмешкой посмотрел на Сары Шаю. – К тебе, карнаухий, зови – не пойду. Уж больно на язык горазд. У пустомели, известное дело, котёл всегда пустой.

Рыбаки дружно расхохотались. Рябой пришёлся им по душе. А Сары Шая от неожиданности даже покраснел, что с ним редко бывало.

– Добрая, должно быть, верблюдица. Пусть оправдает твои надежды и хлопоты. И принесёт в ваш дом радость! – сказал Рыжий Иван.

– Аминь!

– Ну, дорогой гость, а как житьё-бытьё в тамошнем крае? – спросил Рыжий Иван.

– Слава Аллаху, живут, как все. Только Амударья нынче разбушевалась.
– Что, разлилась?
– Ой, не говори! Жуть! Как её ни старались взнудать, она, строптивница, такой хай-вай устроила!
– Да, с ней шутки плохи... Бед не наделала?
– Смертей вроде нет. А дома, сказывают, затопила. И скотины немало унесла. Днём и ночью грохочет. Вся жёлтая, глинистая, без удержу в море несётся.
– Апыр-ай, а? Чёрт знает что...
– А как там с рыбой?
– Непостижимо! Сама из воды прёт.
– Апыр-ай, а! Шайтан-джинн, чёрт побери... Ну, председатель, понял теперь, куда подалась твоя рыба?
– Выходит, почуяла, бедная, приток преснины и снялась, шарахнулась на юг, – оживился вдруг и Рыжий Иван. – Ну, что будем делать?
– Догонять надо рыбу. А ну-ка, ребята, давайте собирайтесь! Живо! И сегодня же в путь!

Да, рыбак всегда остаётся рыбаком: скажи ему, что рыба ушла на край света, он и туда за ней отправится... И тут – они побежали. Быстро погрузили на катер рыболовные снасти.

Рябой мужчина, напившись чаю и передохнув, с вечерней прохладой тоже тронулся в путь. Караванная дорога, некогда проложенная при русском купце Федоре, затем татарском купце Темирке, начиналась отсюда. Перемахнув через хребет Бел-Арана, она сразу уходила по двум направлениям: одна – на Челкар, другая – на Арал. Ты проводил гостя за аул и показал дорогу. Шофёр включил мощные фары и газанул так, что грузовик дёрнулся, взревел и унёсся в темноту. И в мгновение ока вымахнул на черный холм, оттуда рванулся, срезая поворот, налево, потом направо и, выбравшись на большак, с ровным мощным гулом устремился на закат.

Ты стоял, всё глядя вслед, пока грузовик не скрылся из виду. Над высокими бортами ещё долго виднелась голова верблюдицы. Вытянув шею и неотрывно глядя назад, она застыла в своей безмерной скорби. Ничто в этот час не привлекало, не утешало её – ни бурая степь, ни посвежевшее к ночи дыхание моря, ни полная луна, начищенным медным подносом всплывавшая на небосклоне. Она глядела туда, где осталась её родина, где остались знакомые холмы, привычные пастбища и колодцы. Всё это ещё долго будет ей снится, тревожа омрачённую душу. Ничего ей не будет мило в чужом краю. И в предчувствии тяжкой, отныне безрадостной своей судьбы смотрит она в тоске влажными чёрными глазами, смотрит, не отрываясь, вытянув высокую шею, туда, где остался навсегда её родимый край.

Прощальный ревуший стон бессловесной твари резанул тебя по сердцу. Почему-то всегда представлялось, что если и может что-нибудь остаться неизменным в этом грохочущем, быстротечном, безжалостном мире, так именно то, что связано с этим древним животным песчаных пустынь. Кто скажет теперь, как сложится его судьба в дальнейшем?

О славный, издревле надёжный корабль пустыни, сколько же груза ты перевёз безропотно на своём горбу, сколько раз исходил от края и до края эту суровую землю за тьму-тьмущую веков?! А вот теперь, смотри, и сам превратился в груз, в поклажу. И везут тебя на четырёх колёсах по некогда исхоженной тобой пустынной степи...